

Александр Широкоград

БИТВА ЗА КРЫМ

ОТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ
ДО ВОЗВРАЩЕНИЯ
В РОССИЮ

Выбор России (Вече)

Александр Широкоград

**Битва за Крым. От
противостояния до
возвращения в Россию**

«ВЕЧЕ»

2014

УДК 796
ББК 84(2Рос=Рус)6

Ширококорд А. Б.

Битва за Крым. От противостояния до возвращения в Россию /
А. Б. Ширококорд — «ВЕЧЕ», 2014 — (Выбор России (Вече))

Подлинная история Крыма существенно отличается от текста советских и современных учебников истории. Крым стал христианским еще в XV веке. Русы основались на полуострове еще в IX веке, и тогда же арабские историки стали именовать Черное море Русским морем. Так что татары не были коренным населением Крыма. Мало того, Крым никогда не был полностью татарским. С середины XIII века по 1475 г. его городами и портами владели итальянцы, а затем турки. В 1774 г., изгнав турок, портами и крепостями Крыма овладели русские. Ну а в 1783 г. было упразднено Крымское ханство. Как русские осваивали Крым? Стала ли Ливадия второй столицей Российской империи? Почему был сдан Севастополь в июле 1942 г.? Что делали татары в 1942–1944 гг. и какую судьбу им готовил Гитлер? Почему в Крыму никто не заметил, что Хрущев передал его Украине? Была ли альтернатива у России в марте 2014 г.? Об этом и многом другом читатель узнает из книги Александра Ширококорда «Битва за Крым».

УДК 796
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Ширококорд А. Б., 2014
© ВЕЧЕ, 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	39
Глава 7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Александр Широкоград

Битва за Крым. От противостояния до возвращения в Россию

Глава 1

Русское море – «воспоминания о будущем»

Крым, наверное, самый благодатный край бассейна Черного моря и второй по значимости стратегический район после Проливной зоны. История Крыма уходит в глубь тысячелетий. На полуострове найдены стоянки эпохи неолита – раннего каменного века.

Греческие историки утверждают, что в Крыму к началу I тысячелетия до н. э. жили тавры и киммерийцы, о происхождении которых современные историки могут только гадать. По племени тавров греки называли Крым Тавридой. А современное название полуострова появилось только в XIV веке.

Основная роль в колонизации Северного Причерноморья принадлежала грекам – выходцам из городов малоазийского побережья, в основном из Милета. В VI веке до н. э. в устье Днепро-Бугского лимана они основали Ольвию, а также ряд колоний на восточном побережье Крыма и по берегам Керченского пролива, в древности называвшегося Боспор Киммерийский. Самые крупные из этих колоний – Пантикапей (на месте современной Керчи), Феодосия (нынешняя Феодосия), Фанагория, Гермонасса и Кепы – на побережье Таманского полуострова, в древности являвшегося группой островов, образуемых дельтой реки Кубани.

Уже к началу II века Крым становится оплотом христианства в Причерноморье. Особый интерес представляют собой сведения о путешествии апостола Андрея Первозванного по Черному морю и Днепру.

В житии Андрея Первозванного, составленном Епифанием Монахом, сообщается, что во время своего третьего путешествия апостол, пройдя по Южному и Восточному Причерноморью, достиг Крыма и немалое время провел в Херсонесе.

Ряд историков оспаривают факт путешествия Андрея Первозванного по пути «из варяг в греки», но, на мой взгляд, их аргументы неубедительны. Так что наши предки славяне слышали Слово Божие раньше жителей римского городка Византии.

В 101 г. римский император Траян сослал в Крым римского папу Климента, который был рукоположен самим апостолом Петром. В Херсонесе он обнаружил не менее двух тысяч христиан. В 102 г. в Крыму Климент был казнен по приказу Траяна. Так полуостров обрел первого своего святого.

К концу VI века Византии принадлежала большая часть побережья Черного моря. Ее владения на севере заканчивались на побережье между устьем Дуная и Днестровским лиманом. Византия контролировала Херсонес и большую часть Южного берега Крыма, а на Кавказе ее владения начинались южнее нынешнего Сочи.

Многие народы называли Черное море Римским (Ромелийским) морем. «Обычным наименованием Черного моря в арабо-персидской литературе было Море Бунтус (бахр Бунтус), что являлось арабской передачей греческого названия – “Понт” (ПоутоД. Довольно часто вследствие неправильной постановки диактрических знаков в слове Бунтус название Черного моря встречается в форме бахр Нитас»¹.

¹ Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 2003. С. 189, 190.

Но вот в IX веке в арабской литературе появляется новое название Понта – Русское море.

Арабы знали, что говорили. Им в IX веке принадлежал участок Кавказского побережья в районе нынешних Сухума и Батума, да и вообще в IX–XIV веках арабские географы были лучшими в мире. В трудах арабских историков того времени много места уделено походам русов – воинов и купцов. Так, историк Ибн Хордадбек (середина IX века) говорит о многочисленных русских купцах, плававших по Черному, Средиземному и Каспийскому морям.

Впервые русы появились на юге Каспийского моря в 880 г. По свидетельству арабского историка Ибн Исфендийара, они напали на город Абаскуна.

Ибн Исфендийар сообщает и еще о двух походах русов на южное побережье Каспия, состоявшихся в начале X века. Большинство историков датируют их 909–912 гг. «В этом году в море появилось шестнадцать кораблей, принадлежащих русам, и пошли они в Асаскун, как и во время Хасана [ибн] Зайда Алида, когда русы прибыли в Асаскун и вели войну, а Хасан Зайд отправил войско и всех перебил. В это время, когда появилось шестнадцать кораблей русов, они разрушили и разграбили Абаскун и побережье моря в той стороне, многих мусульман убили и ограбили... В следующем году русы прибыли в большом числе, подожгли Сари и округа Пянджах хазара, увели в плен людей и поспешно удалились в море...»²

Затем арабский историк и путешественник ал-Мас'уди (? – 956 гг.) писал, что «после 300 г.х. (912/13 г.) около 500 русских кораблей, каждый из которых вмещал по сотне человек, получили разрешение от хазарского правителя на проход из Черного в Каспийское море. Условием прохода было обещание русов передать правителю Хазарии половину добычи, захваченной ими на Каспии. Выйдя в Каспийское море, русы стали совершать жестокие набеги на страны, лежащие вдоль его южного и западного побережий.

«...Суда русов рассеялись по морю, и их отряды отправились в Гилян, Дейлем, Табаристан, Абескун на гурганском берегу, в область нефтяных источников и в Азербайджан, потому что главный город Азербайджана отстоит от моря всего на три дня пути. Они проливали кровь, захватывали женщин и детей, грабили имущество, снаряжали отряды для набегов, уничтожали и жгли [дома]. При возвращении из набегов они удалялись на острова, расположенные у нефтяных источников и в нескольких милях оттуда» (Мас'уди. Т. II. С. 20–21; Бартольд. 1963. С. 829).

По словам ал-Мас'уди, действия русов вызвали смятение у прикаспийских народов, дотоле видевших на Каспии одни торговые и рыболовецкие суда. В бассейне Каспия русы оставались «много месяцев», укрываясь на морских островах поблизости от Баку. Хотя на обратном пути русы, как и было обусловлено, послали хазарскому царю половину добычи, они подверглись нападению со стороны проживавших в Хазарии мусульман, которых возмутили грабительские действия русов в исламских областях Прикаспия. К хазарским мусульманам присоединились и проживавшие в Итиле христиане, скорее всего купцы. Правитель Хазарии предупредил русов о готовившемся против них ударе, предотвратить который он якобы не мог. Русы, уцелевшие после битвы с хазарскими мусульманами в низовьях Волги, бежали вверх по реке, но были перебиты буртасами и волжскими булгарами»³.

Подробный рассказ еще об одном походе русов в Прикаспий, состоявшемся в первой половине 40-х годов X века, сохранился у историка Ибн Мискавейха (? — 1030 гг.). Собрав на Днепре флотилию из примерно пятисот однодревок, русы спустились вдоль берегов Тавриды в Черное море. По Керченскому проливу и Азовскому морю они подошли к устью Дона и поднялись вверх по его течению до нынешней станицы Качалинской. Здесь ближе всего сходились две великие реки – Волга и Дон. Русы волоком перетаскивали свои суда в Волгу и по ней вышли в Каспийское море. Обогнув Апшеронский полуостров и достигнув устья реки Куры, русы под-

² Там же. С. 223.

³ Там же. С. 221–222.

нялись по ней вверх до Ширванского ханства. Здесь дружины русов овладели богатейшим в то время городом Бердаа (Барда).

Однако вскоре среди русов началась эпидемия какого-то желудочного заболевания, и оставшиеся в живых на ладьях отправились домой.

А что писали византийские источники о походах русов? В «Житии Георгия Амастридского» говорится о нашествии русов на византийский город в Малой Азии Амастриду, где между 830 и 842 гг. «Было нашествие варваров, росов – народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия. Зверские нравами, бесчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность уже одним своим видом, ни в чем другом, что свойственно людям, не находя такого удовольствия, как в смертоубийстве, они – этот губительный и на деле, и по имени народ... посекая нещадно всякий пол и всякий возраст, не жалея старцев, не оставляя без внимания младенцев, но противу всех одинаково вооружая смертоубийственную руку и спеша везде пронести гибель, сколько на это у них было силы. Храмы ниспровергаются, святыни оскверняются: на месте их [нечестивые] алтари, беззаконные возлияния и жертвы, то древнее таврическое избиение иностранцев, у них сохраняющее силу. Убийство девиц, мужей и жен; и не было никого помогающего, никого, готового противостать...»⁴

18 июня 860 г. около двухсот судов русов пришли к Босфору. Об этом походе нам известно из византийских источников, среди которых наиболее ценные принадлежат патриарху Фотию (около 810 г. – после 886 г.) – свидетелю и участнику этого события. Выдающийся деятель византийской образованности, литератор, знаток античности, полемист и канонист, Фотий оставил две гомилии (речи-беседы), в заглавиях которых говорится о нашествии русов.

Поход русов был совершен не с целью грабежа, а прежде всего как возмездие за убийство и обращение в рабство за долги нескольких русов в Константинополе.

Русы ушли из Босфора. А уже в 867 г. Фотий в послании восточным патриархам говорил, что народ рус «стал подданным и дружественным» Византии.

Действительно, отряды наемников-русов состояли на службе византийского императора. Русов обычно отправляли воевать против арабов и западных королей на Средиземное море. Иногда русы оставляли службу и начинали в инициативном порядке грабить берега этого моря.

Интересно, что в Бертинских анналах (IX век) говорится, что к императору Людовику Благочестивому, сыну Карла Великого, в 839 г. явилось посольство византийского императора Феофила (829–842). В составе посольства было несколько воинов из народа Рос (Rhos). Так франки впервые познакомились с русскими.

Возникает естественный вопрос, а кто же были русы, о которых столько писали арабы, византийцы и, наконец, франки? По ведению боевых действий и ряду других факторов они уж очень смахивают на норманнов.

Те же франки к 839 г. уже несколько десятилетий терпели набеги норманнов (викингов) и прекрасно их знали. Соответственно об этом было бы сказано и в Бертинских анналах.

Византия в IX – X веках поддерживала тесные связи с королевствами Западной Европы, и там прекрасно знали о набегах норманнов, да и сами воевали с ними на юге Италии.

Арабы – превосходные географы – тоже хорошо знали норманнов (варягов). Знаменитый арабский ученый-энциклопедист ал-Бируни (973–1048), описывая Окружающее море, говорит, что на севере, близ земли славян, от него отходит залив, называемый по имени одного из проживающих там народов Варяжским морем – бахр Варанк.

Арабские ученые Абу-л-Фида и ан-Насир также говорят о море Варанк. Согласитесь, бахр ар-Рус и бахр Варанк – совсем не одно и то же.

⁴ Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 2003. С. 90–91. Следует заметить, что некоторые авторы относят это описание к более раннему и не известному современным историкам набегу русов.

Кроме того, в Норвегии, Швеции, Финляндии и Дании никогда не было не только народа, но и даже племени рус.

Итак, откуда же взялись русы? А главное, как в самом конце IX века возникло огромное по тем временам Древнерусское государство? Ведь ни западные, ни южные славяне к тому времени, да и два века спустя не сумели создать такого крупного государства. Что же произошло с восточными славянами, что стало стержнем, объединившим их?

Прежде всего уточним, а кто такие варяги. У нас принято отождествлять варягов с викингами – скандинавскими разбойниками. В VIII–X веках викинги (норманны) наводили ужас не только на побережье Северной Европы, но и на весь Средиземноморский бассейн. В IX веке корабли викингов достигли Исландии, а в X веке – Гренландии и полуострова Лабрадор. Вожди викингов – конунги – захватывали земли в Западной Европе и зачастую оседали там, становились князьями, графами и даже королями.

Немного в ином качестве викинги появлялись в землях восточных славян за несколько десятилетий до явления туда Рюрика. Набеги на земли славян и грабежи, безусловно, имели место, но не были основным видом деятельности викингов. Здесь они чаще всего выступали в роли купцов и наемников.

Флотилии норманнских судов (драккаров) легко передвигались вдоль северного побережья Европы и грабили по пути местное население, а затем через Гибралтарский пролив попадали в Средиземное море. Это был очень длинный, но сравнительно легкий путь. А вот пройти «из варяг в греки» по русским рекам и волокам гораздо короче, но сделать это с боями было трудно, а, скорее всего, невозможно. Вот и приходилось норманнам ладить с местным населением, особенно в районах волоков. Для славянского населения волок становился промыслом, и жители окрестных поселений углубляли реки, рыли каналы, специально содержали лошадей для волока и др. Естественно, за это норманнам приходилось платить.

По пути «из варяг в греки» к викингам приставали отряды славян, а затем объединенное славяно-норманнское войско шло в Византию или войной, или наниматься на службу к византийскому императору.

Поэтому славяне и называли викингов варягами. Варяг – это искаженное норманнское слово «Vaeriniar», а норманны позаимствовали это слово от греческого «фоювуатог», означающего «союзники», а точнее – наемные воины-союзники. Замечу, что среди скандинавских племен не было никаких варягов и ни один народ Западной Европы не называл так норманнов. Итак, слово «варяг» отражает специфику славяно-норманнских отношений.

Согласно легенде, норманнский конунг Рюрик (Рорик) с дружиной в 862 г. пришел к северным славянам и основал княжескую династию Рюриковичей. По поводу этой легенды уже два с половиной столетия идет буквально война «норманнистов» и «антинорманнистов». Последние доказывают, что текст Повести временных лет, написанный спустя 150 лет после прибытия Рюрика, является вымыслом.

На взгляд автора, подлинность существования Рюрика и контроль им северных славянских территорий неоспоримы. Другой вопрос, что подробности его правления во многом неясны.

Важно же другое. На берегах рек в наиболее значимых с военной и торговой точек зрения местах варяги ставили свои городки, а чаще всего вселялись в славянские городища VII–VIII веков. Смешение славян и норманнов в большинстве случаев происходило мирным путем. А есть ли у автора письменные доказательства или это только гипотеза? Честно скажу, никаких письменных источников нет. Доказательства только логические и находки археологов.

Как уже говорилось, начав тотальную войну со славянами, норманны никогда бы не добрались ни до Черного, ни до Каспийского моря. Между тем и византийские хроники, и норманнские саги говорят о систематических переходах по пути «из варяг в греки» небольших отрядов викингов, направлявшихся на службу к императору, а затем назад, в родные пенаты.

Ну а археологи нашли десятки норманно-славянских поселений, где в слоях, датированных одними и теми же годами, находят предметы, принадлежащие как славянам, так и варягам: оружие, украшения, предметы культа и быта.

Многие норманно-славянские поселения не имели укреплений, а в некоторых валы возведены лишь спустя век или два после основания поселения.

Нетрудно догадаться, что подобное было бы исключено при постоянных войнах между славянами и варягами, хотя отдельные конфликты, естественно, имели место.

Так, в VIII веке варяги основали город Ладогу. Согласно скандинавским сказаниям, город *Aldeigja* (Ладога) был основан самим Одином, позже вошедшим в пантеон скандинавских богов. Археологические раскопки доказывают, что уже в середине VIII века на Земляном городище Ладоги проживало норманнское и славянское население. Дендрологический анализ показал, что самые древние деревья из остатков укреплений были срублены в 753 г. В Ладоге найдены семь кладов, содержащих 467 серебряных арабских монет, а также 30 монет были найдены порознь. В культурных слоях Ладоги, относящихся к 756–760 гг., обнаружены монеты, отчеканенные в Дамаске в 699–700 гг.

Следы присутствия варягов найдены и в городе Белоозеро. Речь, понятно, идет о первом городе с этим именем, находившемся недалеко от современного Белозерска, на правом берегу Шексны, рядом с деревней Киснема. Из Белоозера варяги проходили на Волгу и Каспий.

Был и другой путь с Балтики на Волгу – через Новгород. Из Ильмень-озера варяги выходили в реку Мству, а у Вышнего Волочка волоком тащили суда в реку Тверцу. Тверца же впадает в Волгу у нынешней Твери.

О масштабах походов варягов по Волге свидетельствует большое число арабских монет, найденных в Скандинавии. Всего найдено свыше 85 тысяч (!) арабских монет, датированных 800—1015 гг. Большую часть их нашли в Швеции, в особенности на острове Готланд.

Следы пребывания варягов часто находят на Верхней Волге. Так, клад древних арабских монет (самая ранняя монета датирована 829 г.) был обнаружен в 1879 г. у Богоявленской горы близ Углича. А в ходе раскопок в 90-х годах XX века на территории Угличского кремля было найдено захоронение X века с оружием, амулетами и другими предметами скандинавского происхождения.

У деревни Тимерево недалеко от Ярославля археологи обнаружили большое варяжское поселение площадью свыше пяти гектаров. Поселение это возникло в конце VIII века, а прекратило свое существование в самом начале XI века. Рядом с поселением обнаружено свыше четырехсот курганов. Любопытно, что среди раскопанных курганов есть как норманнские, так и славянские захоронения, а также захоронения племен, близких к угро-финнам. В Тимереве найдено несколько кладов с тысячами арабских монет, самая древняя датирована 867 г. К сожалению, большинство монет расхищено.

Кроме Тимерева норманнские поселения и клады арабских монет обнаружены в районе Михайловки, Петровского (рядом с Ярославлем) и в других районах Верхней Волги.

Много поселений основали варяги и на пути «из варяг в греки». Самым крупным считается так называемое Гнездовское городище. Археологи еще в XIX веке обнаружили большой город у села Гнездово, в 12–15 км от современного Смоленска. Гнездовское городище было защищено земляным валом. Рядом расположено свыше двух тысяч курганов с захоронениями в большинстве случаев варяжского типа. Археологи считают, что Гнездовское городище возникло в начале IX века, а с начала X века жизнь в нем постепенно стала гаснуть. В конце же IX века там проживало 4–5 тысяч жителей, в основном воинов и купцов.

Согласно Повести временных лет, князь Олег захватил в 882 г. Смоленск. Однако советские археологи так и не смогли найти в Смоленске культурного слоя IX – X веков⁵. В свою оче-

⁵ Древнерусские княжества X–XIII вв. / Под ред. Л.Г. Бескровного. М.: Наука, 1975. С. 244.

редь, ни в одной русской летописи не упоминается Гнездовское городище или иной город, расположенный рядом со Смоленском. Это дает основание полагать, что Гнездово и есть древний Смоленск, а в конце X – начале XI веков город был перенесен на другое место. Кстати, перенос города – довольно типичное событие для средневековой Руси. Так, к примеру, на новые места были перенесены Тверь, Белозерск и другие города.

Как же называлось в IX – X веках Гнездовское городище? Историки на этот счет молчат. Я же решил предположить, что Смоленском. Дело в том, что арабские географы IX – X веков знали город Измилинска (Измилинск) на Днепре. Если в это время не было нынешнего Смоленска, то это значит, что арабы так называли Гнездовское городище.

Возможно, я немного утомил читателя рассказом о водных путях и варяжско-славянских городищах. Но ведь именно в этих городищах и возник новый народ русов. А путь «из варяг в греки» стал государствообразующим путем. Речные пути и волоки были единственным звеном, связывавшим славянские земли.

И вот пришел смелый и удачливый конунг Рюрик, и ему подчинились русы на севере славянской земли, а спустя 20 лет его воеводе Олегу подчинились и южные города Руси.

А были ли русы в Крыму? Несомненно! Существовал даже Остров Русов на Таманском полуострове. Об Острове Русов упоминал целый ряд арабских источников конца IX – начала X века. Другой вопрос, что современные историки пытаются помещать Остров Русов и на Карельском перешейке в районе реки Вуоксы, и на Днепре, и на балтийских островах Готланд и Рюген. На мой взгляд, спорить тут нечего – русских (варяго-славянских) городов много было везде. А арабы упоминают города русов в текстах, посвященных не русам, а другим темам. И авторы текстов, и их читатели, в отличие от современных историков, прекрасно понимали, о каком конкретно «острове» идет речь, и в пояснениях не нуждались.

Но попробуем представить себе, что базой русов в походах на Каспийское или Черное море был «Остров Русов» на Готланде или на реке Вуоксе?

В «Житии Стефана Сурожского» конца VIII – начала IX веков говорится о захвате Сурожа (современный город Судак) войсками князя русов Бравлина.

Согласно житию, в Суроже Бравлин заболел и принял христианство. Какое-то время Бравлин правил в Суроже и в районе Керчи.

При раскопках на Голубищенском городище (на территории станицы Голубицкой на Таманском полуострове) археологи обнаружили «детинец (военно-административный центр) древнерусского города, а окружающее городище являлось его поселением. Площадь детинца составляет около 7 га, намного превышает площади детинца Чернигова (4 га) и Новгорода Северского (2,5 га)»⁶.

Наиболее оптимальным местом базирования как раз и был Таманский полуостров.

Наши историки, к сожалению, обходят вопрос о преемственности Острова Русов и Тмутараканского княжества.

Возможно, Остров Русов на несколько десятилетий прекратил свое существование, но и в этом случае там оставались какие-то жители, и создание Тмутараканского княжества было восстановлением господства русов над обеими сторонами Керченского пролива. Современные историки связывают создание Тмутараканского княжества с походами Святослава против хазар в 60-х годах X века либо с Корсунским походом князя Владимира Красное Солнышко.

С 988 г. в Тмутараканском княжестве правил сын Владимира Святославича Мстислав Храбрый.

О военной и экономической мощи Тмутараканского княжества свидетельствует тот факт, что его князь Мстислав Владимирович Храбрый несколько лет держал нейтралитет в усобицах

⁶ Захаров В.А. История раскопок раннесредневековых слоев Таманского городища и поселений Таманского полуострова в XVIII – XX вв. // Сборник Русского исторического общества № 4 (152). М., 2002. С. 149.

между сыновьями Владимира Святославича, но на конечном этапе выступил против победителя Ярослава Мудрого и наголову разбил его. В итоге братья Ярослав и Мстислав делят Русь почти пополам между собой. Столицей владений Мстислава стал Чернигов. В 1036 г. Мстислав Храбрый умер, не оставив наследника. Это позволило Ярославу Мудрому вновь объединить Русь.

В 1054 г. при разделе владений Ярослава Мудрого Тмутараканское княжество было причислено к Северной земле и впоследствии всегда поддерживало с ней тесные связи. В начале 60-х годов XI века Тмутаракань стала одной из причин споров, возникших между Киевом и Черниговом, при этом Тмутаракань пыталась всеми силами избавиться от черниговской опеки и обособиться.

После смерти в 1052 г. новгородского князя Владимира Ярославича его сын Ростислав стал изгоем и был вынужден бежать на юг. Тогда тмутараканцы прогнали сына черниговского князя Святослава Ярославича, княжившего у них, и посадили на княжение Ростислава Владимировича. Святослав Черниговский послал дружину в Тмутаракань, согнал Ростислава и опять посадил там своего сына Глеба. Но вскоре Тмутаракань опять захватил Ростислав. В 1066 г. Святослав Ярославич в союзе с греками организовал убийство Ростислава, после чего Тмутаракань снова попала в зависимость от Чернигова, и там опять стал княжить Глеб Святославич.

В 1078 г. Олег Святославич, рассорившись с родичами, бежал в Тмутаракань, где уже находились князья-изгои Борис Вячеславич и Роман Святославич. Глеб Святославич был убит, а Олег Святославич вместе с князьями Борисом и Романом осадил Чернигов. Но взять город не удалось, а Олега Святославича схватили хазары и увезли пленником в Византию. Покорившаяся великому князю Тмутаракань была вынуждена принять киевского наместника.

В 1081 г. в Тмутаракань прибыли еще два князя-изгои – Давид Игоревич и Володарь Ростиславич. Они схватили киевского наместника Ратибора и восстановили независимость Тмутараканского княжества.

В 1083 г. в Тмутаракань вернулся из византийского плена Олег Святославич. Он выгнал оттуда Давида и Володаря и сел на княжеский стол. Теперь Олег стал добиваться Чернигова и, овладев им, присоединил к нему Тмутаракань, теперь уже фактически потерявшую независимость.

Ко второй половине XII века Тмутараканское княжество пало под ударами половцев, кочевавших в Северном Причерноморье.

Точные границы Тмутараканского княжества историкам неизвестны, но на исторических картах советского периода в состав его включались довольно обширные территории, эдак на 170–180 км по обеим сторонам от реки Кубань и примерно половина Керченского полуострова.

Однако остатки русских поселений IX–XI веков археологи находят в Крыму и за пределами Керченского полуострова. «Например, при раскопках на холме Тепсель (возле нынешнего поселка городского типа Планерского) обнаружено, что там долгое время существовали славянские поселения, возникшие в XII–XIII вв. Открытый на холме храм по своему плану близок к храмам Киевской Руси, а раскопанная в одном из жилищ печь напоминает древнерусские. То же можно сказать и о найденной при раскопках керамике. Остатки древнерусских церквей выявлены в различных регионах полуострова, большая часть из них находится в Восточном Крыму. Фресковые росписи и штукатурка, судя по фрагментам, найденным в этих руинах, близки к подобному материалу киевских соборов XI–XII вв...»⁷

⁷ Дюличев В.П. Рассказы по истории Крыма. Симферополь: Бизнес-Информ, 1998. С. 115–116.

Глава 2

Как Таврида стала Кырымом

Я намеренно обошел все походы русских князей в IX–XI веках на Византию и отправляю интересующихся к моей книге «Тысячелетняя битва за Царьград» (М.: Вече, 2013). Стоит лишь отметить, что в договорах русских с греками главным являлась свобода торговли русских купцов в Проливах и их права в Византии. В Константинополе в X – начале XIII века был большой русский квартал близ церкви Св. Михаила (Маманта).

Ежегодно в начале лета и в конце июля – начале августа в Константинополь приходили два каравана русских судов. Кроме них, караваны и одиночные русские суда курсировали между Днепро-Бугским лиманом и Керченским проливом, посещая порты Кавказского побережья.

Страшный удар по русскому присутствию на Русском море в Крыму нанесли крестоносцы.

Подготовка четвертого крестового похода началась еще в 1201 г. В 1201 г., в первую неделю Великого поста, шесть рыцарей под предводительством маршала Шампани Жоффруа де Виллардуэна прибыли в Венецию. На заседании Большого совета они изложили свою просьбу и через 8 дней получили ответ. Республика Венеция обязалась предоставить на один год суда для перевозки 4500 рыцарей и столько же коней, 9000 оруженосцев и 20 тысяч пеших воинов вместе с оружием и снаряжением, а также продовольствие, которым она обязалась снабжать войска в течение 9 месяцев. Цена этого составляла 84 тыс. серебряных марок⁸.

Помимо этого, Венеция обязалась на свои средства снарядить на годичный срок 50 полностью экипированных галер при условии, что она получит половину всех завоеванных территорий.

Первоначальной целью Четвертого похода был Египет. Однако, как и следовало ожидать, запрошенной венецианцами суммы у рыцарей не оказалось. Тогда дож Венеции Энрико Дандоло предложил руководителям крестового похода в качестве компенсации ограбить город Зару на побережье Адриатического моря и расплатиться частью добычи. К тому же Зара была торговым конкурентом Венеции. Ну а то, что Зара была населена христианами и являлась владениями венгерского короля, никого не смутило.

8 ноября 1202 г. крестоносцы отплыли из Венеции, направляясь в Четвертый крестовый поход – 480 кораблей, возглавляемые галерой самого дожа, «окрашенной в алый цвет, с шелковым тентом того же цвета, под стук кимвал, под пение четырех серебряных труб».

Перед отплытием Дандоло произнес патетическую речь: «Синьоры! Отныне вы соединились с самыми достойными людьми на свете и ради самого высокого дела, которое кем-либо и когда-нибудь предпринималось!»⁹

24 ноября Зара была взята и разграблена, большая часть жителей перебита или продана в рабство. «Между венецианцами и франками почти немедленно развязалась драка за добычу, что вряд ли предвещало благополучный исход экспедиции, тем не менее мир был восстановлен, и две группы зазимовали в разных частях города»¹⁰.

Ну а далее крестоносцы решили освобождать не Гроб Господень от арабов, а жителей Константинополя от их имущества. Самое любопытное, что о замысле крестоносцев знал папа Иннокентий III, благословивший рыцарей на сей «подвиг».

⁸ Следует заметить, что в то время марка была не монетой, а мерой веса, и в разных регионах была различной.

⁹ Цит. по: *Норвич Дж.* История Венецианской республики. М.: АСТ, 2009. С. 179.

¹⁰ Там же. С. 180.

12—13 апреля 1204 г. крестоносцы овладели столицей Византии и подвергли ее неслыханному разграблению.

После трехдневной резни в Константинополе союзники приступили к дележу добычи. Венецианцы получили 37 % награбленного, плюс крестоносцы заплатили Дандоло 50 тысяч серебряных марок, которые задолжали республике.

Уладив эти формальности, обе стороны занялись выбором императора. В конце концов избрали Балдуина, графа Фландрского. 16 мая 1204 г. он был коронован в храме Святой Софии. Новое государство называли Латинской империей. Патриархом в ней стал венецианец Томазо Морозини. При этом никого не смущало, что он не был посвящен в духовный сан. Морозини сразу же сделали дьяконом, через две недели – священником, на следующее утро – епископом, а затем уже и патриархом.

В итоге на Балканах образовались четыре важнейших «латинских» государства: Латинская империя со столицей в Константинополе, Фессалоникийское королевство, Ахейское княжество (в Пелопоннесе) и Афинско-Фиванское герцогство. Каждое из них в свою очередь делилось на ряд графств и сеньорий.

Дандоло добился для Венеции права на «три восьмых Византийской империи». Таким образом, Венецианская республика получила часть Константинополя, Ионические острова, часть Кикладских и Спорадских островов, юго-западную часть Пелопоннеса, Галлиполи и некоторые земли в Албании. Вскоре византийцы получили еще и Крит.

Надо ли говорить, что 13 апреля 2004 г. в Константинополе был разгромлен и русский торговый квартал святого Маманта.

После 1204 г. исчезают всякие сведения о движении русских судов в Черном море и присутствии русских купцов в Константинополе. Кстати, Черным море называли турки в 1453 г., а с IX века арабы звали его Русским морем. После 1204 г. Русское море стало «итальянским». А о том, какое значение придавали ему венецианцы и генуэзцы, говорит то, что они называли Черное море Великим морем.

Прерыванием торговли Византии с Русью воспользовались итальянские купцы. И уже в 1247 г. путешественник и посол Плано Карпини находит в Киеве трех венецианских и двух генуэзских купцов.

Князья Рюриковичи не признавали ни Латинской империи, ни «латинских патриархов». Русские считали законным властителем Царьграда императора Никейской империи (основанной в Малой Азии). Русские же митрополиты продолжали подчиняться константинопольскому патриарху, жившему в Никее.

После разгрома Константинополя Черное море становится «итальянским озером». Десятки итальянских колоний располагались огромной дугой по черноморскому побережью бывшего СССР от Измаила до Батума. Наиболее крупные из них находились в Крыму.

В начале XIV века генуэзцы захватили Херсон (Херсонес). В 1333 г. туда был назначен епископом доминиканский монах Рикадус.

В современной Балаклаве греки поселились еще в VII веке до н. э. Тогда ее называли Сямболок-Лимена – «Гавань предзнаменования». Город был захвачен генуэзцами в 1343–1344 гг. и назван Чембало. Как и в других местах, генуэзцы для начала построили крепость с деревянными стенами на земляных валах. Не позднее 1357 г. началось строительство каменной крепости, о чем говорит строительная закладная плита генуэзского консула Чембало Симоне дель Орто.

Цитадель на вершине горы была посвящена святому Николаю. Там находились консульский замок, здание городского совета, небольшая церковь, помещения для охраны, прислуги и прочих наемных работников. Более просторная нижняя часть крепости носила имя святого Георгия.

Город Сугдея (Судак) был основан греками в VII веке до н. э. После 1261 г. византийский порт Сугдея переходит к венецианцам. Любопытно, что родственники венецианского торговца и путешественника Марко Поло имели в этом городе недвижимость. В июле 1365 г. Сугдею захватили генуэзцы и владели ей 110 лет.

В конце XIII – начале XIV века колонией генуэзцев стали города Крыма Чодан-Куле, Луста и Гурзуф.

Наиболее же крупным центром генуэзской торговли была Каффа (Феодосия). С 1281 г. упоминается о генуэзском консуле Каффы. Первоначально город был окружен валом и деревянным частоколом.

В 1299 г. хан Ногай разорил город, но уже через несколько месяцев жизнь в Каффе возобновилась.

В 1307 г. войска золотоордынского хана Тохты осадили генуэзский город Каффу. Любопытно, что все требования татар к генуэзцам были экономическими. Итальянцы тоже показали характер и эвакуировали население города на кораблях. Татары с горя разгромили город. Только в 1313 г. генуэзцы получили разрешение от нового сарайского хана Узбека на восстановление Каффы. Город продолжал обладать статусом торговой фактории, обязанной платить не поземельную подать, а исключительно коммеркий. Так называлась торговая пошлина в ханскую казну в размере 3–5 % от стоимости ввозимого и вывозимого товара.

В 1322 г. Каффа получила *civitas* – официальный статус города в акте папы римского Иоанна XXII. Любопытен и состав городского населения Каффы на 1380 г.: генуэзцев – 42,7 %, армян – 32,3 %, греков – 19,5 % и мусульман, включая татар, – 4,5 %. Официальными языками города были латинский, греческий и татарский. Но на бытовом уровне население общалось на жаргоне «*lingua franca*», который с должной натяжкой можно считать диалектом латыни.

С 1276 г. в Каффе чеканилась серебряная монета. На одной ее стороне изображался символ Генуи и надпись на латинском языке, а на другой стороне стояли имя правящего золотоордынского хана и его тамга.

С 1320 по 1340 г. в Каффе строится внушительная каменная цитадель. К этому времени в Каффе известно двенадцать церквей. Кафедральным храмом служил величественный собор Святой Агнессы. Во второй половине XIV – первой половине XV века в городе оформилась светская высшая школа. В ней преподавали, в частности, генуэзцы Альберто Альфиери, Винченцо Мерлалли и другие.

Тут я немного забегу вперед и упомяну о татарах. Первый набег на Тавриду (Крым) татары совершили в 1223 г., во время похода темника Субэдэя против половцев. Тогда дело ограничилось разграблением Судака (Сугдеи).

При Батые татары произвели еще несколько набегов – в 1238-м, 1248-м и 1249 г. В конце концов татары подчинили себе Судак, обложили его данью и посадили туда наместника. А в Солхате (Старый Крым) во второй половине XIII века обосновалась татарская администрация, город же татары переименовали в Кырым. В XIV веке название города Кырым перешло постепенно на весь полуостров Таврида. С конца XIII века происходит исламизация татарского населения Крыма.

Поначалу татарское влияние ограничивалось лишь Восточным Крымом, причем зависимость от татар не шла дальше выплаты дани, поскольку татары-кочевники еще были не в состоянии экономически господствовать в жизни края.

На юге полуострова по-прежнему существуют венецианские и генуэзские города-колонии.

Между итальянцами и татарами неоднократно возникали конфликты, причем в большинстве случаев улусские эмиры терпели поражение. С одной стороны, прибрежные города-крепости были хорошо укреплены и могли получать подкрепление с моря, а с другой стороны,

торговля с итальянцами приносила эмирам неплохие барыши, так зачем же резать курицу, несущую золотые яйца.

На Южном берегу Крыма татары впервые появились в 1299 г., когда орда хана Ногай¹¹ разрушила Херсонес. В начале XIV века татары постепенно начинают оседать в Крыму. В это время в восточном (около Судака) и юго-западном районах Крыма появляются первые феодальные поместья полуоседлой татарской знати – беев и мурз. И только в конце XVI века, а особенно в XVII–XVIII веках, переход к оседлому земледелию у татар принял массовый характер. Процесс этот шел повсеместно как в Восточном, так и в Западном Крыму. В районе Бахчисарая еще на рубеже XIII–XIV веков возник татарский бейлик (вотчинное землевладение) бея из рода Яшлавских. Бейлик этот представлял собой полузависимое княжество с центром в Кырк-ор (Чуфут-Кале).

В первой половине XV века Золотая Орда не только фактически, но и формально перестала быть единым государством, распавшись на отдельные ханства, где утвердились собственные династии. Среди отдельных ханств был и Крымский улус Золотой Орды.

Основатель династии Гиреев Хаджи-Девлет Гирей родился в 20-х годах XV века в литовском замке Троки, куда бежали его родственники в ходе ордынских усобиц.

Хаджи Гирей был не то сыном, не то внуком золотоордынского хана Таш-Тимура. Сам Таш-Тимур был прямым потомком Тукой-Тимура, тринадцатого сына хана Джучи и внука Чингисхана. Поэтому впоследствии Гирей считали себя Чингизидами и претендовали на власть над всеми государствами, возникшими на развалинах Золотой Орды.

В Крыму Хаджи Гирей впервые появился в 1433 г. По мирному договору от 13 июля 1434 г. генуэзцы признали Хаджи Гирея крымским ханом. Однако через несколько месяцев ногайский хан Сейид-Ахмет выбил Гирея из Крыма. Гирей был вынужден бежать на «родину» в Литву. Там в 1443 г. он и был провозглашен крымским ханом. Затем при военной и финансовой поддержке великого литовского князя Казимира IV Гирей двинулся в Крым. Вновь став крымским ханом, Хаджи Гирей сделал своей столицей город Крым-Солхат. Но вскоре Сейид-Ахмет вновь изгнал Хаджи Гирея из Крыма. Окончательно Хаджи Гирей стал крымским ханом лишь в 1449 г.

В Крыму Хаджи Гирей основал новый город Бахчисарай («Дворец в садах»), ставший при его сыне Менгли Гирее новой столицей государства.

А между тем на другом краю Черного моря 29 мая 1453 г. турецкий султан Мехмед II взял Константинополь. Так окончательно пала Византия – наследница Римской империи. По приказу султана главный храм империи и всего православного мира – собор Святой Софии – был обращен в мечеть.

С момента своего восшествия на престол Мехмед II мечтал стать наследником Римской империи. Завоевание Константинополя материализовало его мечты. Как уверял Мехмеда греческий историк Георгий Трапезундский: «Никто не сомневается, что вы являетесь императором римлян. Тот, кто законно владеет столицей империи, тот и есть император, а Константинополь есть столица Римской империи». Мехмед II одновременно объявил себя Римским императором, наследником Августа и Константина, и падишахом, что по-персидски означает «тень бога на земле».

При Иване III Русь окончательно свергла ордынское иго. И теперь Москва сумела ответить на идеологический вызов турецких султанов. Ведь султаны вполне серьезно считали себя повелителями всех мусульман, в том числе и в Крыму, Казани, Астрахани и даже в Касимове, под боком у Москвы. Бороться с идеологической агрессией только с помощью пушек было довольно бесперспективно, поэтому русские начали ответное идеологическое наступление под лозунгом «Москва – Третий Рим».

¹¹ Ногай считал себя ханом, хотя он и не был потомком Чингисхана.

В окончательном варианте этот тезис прозвучал в послании монаха псковского Елизарова монастыря Филофея в 1514 г. к великому князю Василию III. Следуя тезису о богоустановленном единстве всего христианского мира, Филофей доказывал, что первым мировым центром был Рим старый, за ним Рим новый – Константинополь, а в последнее время на их месте стал третий Рим – Москва. «Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертого не бывать», – писал Филофей. Заметим, что Филофей знал, к кому обращаться. Мать Василия III София Палеолог была племянницей последнего византийского императора.

Итак, к концу XVI века две великие империи, Россия и Порта, еще не имея общей границы, стали великими антагонистами. Султан считал себя властелином миллионов русских подданных мусульман, а царь – защитником миллионов православных турецких подданных и владельцем константинопольской вотчины, которая по совместительству была султановой столицей.

В начале 70-х годов XV века Мехмед II начал готовить большой морской десант в Крым. Ну а повод для вторжения всегда найдется.

В 1466 г. при поддержке генуэзцев в Крымском ханстве к власти пришел Менгли-Гирей. Однако богатый татарский род Ширинов во главе с неким Эминек решил захватить власть и свергнуть Менгли-Гирея. Эминек тайно отправил в Константинополь посла с предложением султану помочь свергнуть Менгли Гирея, а взамен обещал туркам все черноморские крепости.

31 мая 1475 г. у берегов Каффы появилась турецкая эскадра, а уже 2 июня турецкие бомбарды калибром 40–20 см начали обстрел города. В помощь туркам подошло многочисленное войско татарского бея Эминека.

Тем временем хан Менгли-Гирей с полутора тысячами своих сторонников находился за стенами Каффы. Штурм города продолжался пять дней, а 6 июня «какие-то люди» из армян Каффы, чтобы избежать разрушений и кровопролития, открыли ворота, что стало полной неожиданностью для защитников. Турки ворвались в город. Каффа была полностью разграблена. Часть «нелатинского» населения была продана в рабство, а их имущество конфисковано. Всех же оставшихся в живых христиан вместе с пожитками 12 июня посадили на турецкие корабли и отправили в Константинополь, где поселили в отдельном квартале.

По пути на одном из кораблей пленники взбунтовались, захватили судно и направились в Монкастро (Аккерман, сейчас Белгород-Днестровский). Но воевода города их не пустил, однако все имущество, находившееся на корабле, конфисковал.

В Константинополь был доставлен и неудачник Менгли-Гирей. Однако, продержав его три года в плену, Мехмед II отпустил его на престол в обмен на обязательство быть вассалом Османской империи.

Теперь Каффа стала главным городом Кефе – турецкой провинции с одноименным названием. Новые хозяева стали называть город Кучук-Стамбул, то есть Маленький Стамбул.

Турецкие войска еще полгода приводили к повиновению феодоритские крепости Южной Таврики. Активное участие в обороне этих крепостей, и прежде всего неприступного Мангупа, принимали генуэзцы, бежавшие от турок. Так в течение еще нескольких десятилетий на территории Крымского ханства проживали несколько поколений генуэзских семей, например генуэзская ветвь фамилии Спинола. Они были вельможами при ханском дворе, но теперь за ними уже не стояло ничего, кроме теней славных предков.

После взятия Каффы турки приступили к осаде генуэзского города Сугдеи (Солдайи, Судака). О ходе обороны сохранились сведения, записанные посланником польского короля Мартином Борневским. По его словам, последние защитники Сугдеи во время турецкого штурма 1475 г. заперлись в одной из самых больших церквей города и продолжали сопротивление. Все они были перебиты, и тела их так и остались лежать внутри церкви непогребенными. Борневский лично видел это зловещее здание с замурованными окнами и дверьми и сторожа-турка, никого не пускавшего внутрь.

Находясь под властью турок, Судак (так стал называться город с этого времени) стал центром судебно-административного округа (кадылыка), входившего в состав провинции Кефе и простиравшегося по Южному берегу Крыма до Алушты включительно. Согласно турецкому дефтеру (налоговой переписи населения начала XVI века), в городе проживало всего 309 греческих, 35 армянских, 32 мусульманские и две иудейские семьи. Для защиты города турки оставили гарнизон только из десяти солдат и начальника, который в 1542 г. имел собственный дом не в Судаке, а в Каффе.

В начале июня 1475 г. турецкая эскадра вошла в Азовское море и высадила десант в районе венецианской колонии Тана (Азов). Существует предание, что во время осады крепости Дон вышел из берегов и затопил окопы с турками. Тогда командующий Гедик Ажмед-паша воскликнул: «О, благословенная река Азак»¹². Он сотворил молитву, и волею Аллаха крепость была взята. С тех пор ее стали называть Азак.

Теперь Азак, благодаря своему географическому положению, стал северными воротами Османской империи, открывая доступ на ее территорию купцам, послам и паломникам.

Таким образом, степной Крым и земли вокруг Азовского моря были владениями крымского хана – вассала Порты. Южный Крым, зона пролива Керчь – Тамань, прибрежная полоса с центром в Каффе и Азак прямо вошли в состав Османской империи. На этой территории была образована новая провинция с центром в Каффе. В нее вошли Каффа, Азак, Сугодаг, Инкерман, Балаклава, Мангуп, Керчь, Тамань. Азак стал центром Азовского санджака – военно-административной единицы, во главе которой стоял санджакбей. Будучи формально подчиненным Каффе, азовский санджакбей был фактически самостоятелен и напрямую подчинялся Константинополю.

В конце 1475 г. турецкий флот захватил генуэзскую колонию Мапа (Анапа) и ряд других колоний.

Так Черное море из итальянского озера превратилось в турецкое. Разница заключалась в том, что господство турок было куда жестче. Так, вассальные отношения Крымского ханства и Константинополя основывались не только на грамоте Менгли-Гирея. Во-первых, Мехмед II и его преемники позаботились о том, чтобы в Константинополе и окрестностях постоянно находились несколько членов семейства Гиреев. Таким образом султан в любой момент мог подыскать замену строптивому хану. Султану обычно было достаточно через одного из своих знатных придворных послать избранному быть новым ханом Гирею шубу, саблю и соболью шапку, усыпанную драгоценными камнями, с собственноручно подписанным приказом, который зачитывался перед Диваном. А прежний хан должен был безропотно отречься от престола. Если же хан сопротивлялся, то гарнизон, стоявший в Каффе, и турецкий флот быстро приводили его к повиновению.

За время существования Крымского ханства на престоле побывало 44 хана, но правили они 56 раз, то есть одного и того же хана султан то смещал «с должности», то вновь возводил. Так, Менгли-Гирей II и Каплан-Гирей побывали на престоле дважды, а Эльхадж Селим-Гирей – аж четырежды!

Территория бывшего княжества Феодоро и Южный берег Крыма от Кефе до развалин Херсонеса стали османским санджаком, состоявшим из Мангупского, Судакского, Кефейского и Еникальского кадылыков, и вошли в состав Османской империи. Сохранившиеся христиане Крыма были обложены большими налогами и повинностями.

О состоянии турецких крепостей хорошо написано в книге Эвлии Челеби, путешествовавшего в Северном Причерноморье в 60-х годах XVII века.

Так, в 1651 г. Челеби посетил крепость Очаков, контролировавшую Днепро-Бугский лиман. Замечу, что первоначально на месте Очакова великий князь литовский Витовт

¹² Азак – от турецкого «разлившаяся, вышедшая из берегов».

построил небольшую крепость Дашев, а в 1492 г. хан Менгли-Гирей I на месте Дашева заложил крепость Кара-Кермен, и, наконец, в 1526 г. турки построили мощную каменную крепость Очи-Кале, которую русские называли Очаков. Замечу, что Челеби называл ее Ози по турецкому названию реки Днепр.

Самым крупным турецким городом в Крыму, да и на всем Северном Причерноморье был Кефе (Каффа, современная Феодосия). Кефе была столицей крымского бейлербея, там же находился османский монетный двор.

Челеби лично измерил длину стен крепости Кефе – оказалось 8 тысяч шагов. «Сторона, выходящая на сушу – это два слоя стен, один за другим – мощная твердыня, подобная валу Искендера. Внутренний слой крепости – стена в пятьдесят аршинов в высоту и в пять аршинов в толщину. Стена, что перед ней – в тридцать аршинов высотой и в семь аршинов в толщину... На этой двухслойной стене крепости, выходящей на сушу, имеется всего сто семнадцать разнообразных башен и укреплений»¹³.

Внутри крепости находилась Франкская цитадель, то есть модернизированный замок генуэзцев. Гарнизон Кефе составлял около 2 тысяч человек. Точную цифру Челеби не называет, но там было около сотни – двух пушкарей, 300 янычар, 50 вооруженных таможенников и т. д.

Начальник порта (капудан) имел 200 матросов и 5 гребных фрегатов, постоянно готовых к выходу в море.

Еще одной крупной турецкой крепостью была Керчь (по-татарски Керш), построенная по приказу султана Баязида II на месте генуэзской колонии. Каменная крепость Керчь имела 50 башен, на которых устанавливались орудия, включая тяжелые пушки шахане. Внутри крепости находилась каменная цитадель.

Кроме того, на побережье Крыма имелось несколько малых турецких крепостей. Так, в генуэзской крепости Балаклава помещался небольшой гарнизон из 180 стражников. Функционировал большой маяк с десятью факелами.

В Крыму по указу султана Сулеймана турки построили крепость и порт Гезлев (современная Евпатория). Крепость имела форму пятиугольника с мощными каменными стенами и 24 квадратными башнями.

На конце Арабатской косы турки построили огромную башню, гарнизон которой составлял 150 секбанов (янычар), большей частью греков по национальности.

В начале XV века турки взяли под контроль Перекопский перешеек – единственный сухопутный путь в Крым. По приказу Сулеймана в 1540 г. хан Сагиб-Гирей построил на Перекопе крепость Ор (Ор-Колу, Орта). Ее возводили татары и русские рабы. Крепость имела мощные каменные стены высотой 23 аршина (16,5 м) и 20 квадратных башен. Гарнизон крепости составлял 500 секбанов (янычар) с мушкетами и 500 татар, вооруженных холодным оружием, а также нескольких десятков турецких артиллеристов.

Весь перешеек от Сиваша до Каламитского залива (7 верст) был перекопан большим рвом глубиной 12–15 сажень (25–32 м). На расстоянии пушечного выстрела у рва были поставлены 7 каменных башен, на которых стояло по 5 турецких пушек типа шахи зарзабин¹⁴. В мирное время в каждой башне состояло помимо артиллерийской прислуги по 500 секбанов. Замечу, что все секбаны в башнях и Оре были греки по национальности.

Как видим, при Сулеймане вся торговля и дипломатические связи Крымского ханства контролировались турецкими гарнизонами в портах полуострова и на Перекопе.

¹³ Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Симферополь: ДОЛЯ, 2008. С. 178–179.

¹⁴ Тяжелые полевые пушки, ближе всего к ним подходят русские орудия большой пропорции конца XVIII – начала XIX века.

Несколько крепостей турки построили и на Кавказском побережье. Так, уже в конце XV века была построена крепость Анапа, в конце XVI века – крепость Сухум. В том же XVI веке турки на месте древней крепости в Батуме построили крепость Гония с гарнизоном в 500 янычар.

Возникает естественный вопрос, считали ли султаны достаточной мерой полный контроль над всем побережьем Черного моря или намеревались продолжить экспансию на север и восток от него? Уже Мехмед II в 1476 г. попытался объединить Большую Орду и Крымское ханство в общий улус. Как уже говорилось, хан Менгли-Гирей был увезен в Константинополь, а с согласия османов на крымский престол сел Джанибек-Гирей, племянник Ахмата, хана Большой Орды.

Однако ни Джанибек, ни Ахмат не пожелали становиться вассалами Константинополя. Тогда по наущению турок крымские беи свергли Джанибека, и турки, как мы уже знаем, привезли в Крым Менгли-Гирея.

В январе 1481 г. хан Ахмат был убит сибирским ханом Ибаком. После этого Большая Орда распалась на отдельные улусы, наиболее крупные из которых принадлежали сыновьям Ахмада – Шайх-Ахмаду и Муртаде.

В 1502 г. Менгли-Гирей захватил Сарай Берке на Волге и перебил его жителей. Правивший в Сарае Шайх-Ахмад бежал в степь. Большая Орда навсегда прекратила свое существование.

Летом 1509 г. Менгли-Гирей с большим войском совершает поход на Нижнюю Волгу. Однако взять Астрахань (Хаджи-Тархан) крымцам не удалось.

Сын Менгли-Гирея Мухаммед-Гирей I решил собрать все разрозненные части бывшей Золотой Орды, а также улуса Джучи¹⁵. Речь идет о Казанском и Астраханском ханствах и ордах ногаев. И действительно, в 1523 г. войска Мухаммеда Гирея I овладели Астраханью, но были вынуждены вскоре покинуть город из-за блокады его ногаями. На обратном пути крымцы понесли большие потери.

Мало того, Гирей решили посадить свою родню на казанский престол. Причем речь шла не об отправке одного кандидата на престол, а о подчинении Казани Крыму и, соответственно, Константинополю. Процесс этот был крайне сложный, и желающих узнать подробности я отсылаю к своей книге «Русь и Орда» (Москва: Вече, 2004).

Над Московским государством нависла страшная угроза. Василий III, а позже Иван IV пытались нейтрализовать Казань, сделав ее полунезависимым вассалом наподобие Касимовского ханства и посадить туда хана из Касимовской династии. Однако крымская партия возобладала в Казани. Реакция Ивана IV не заставила себя ждать – в 1552 г. русское войско штурмом овладело Казанью, устроив там страшный погром.

В 1556 г. русские воеводы заняли Астрахань. Первоначально в Константинополе не придали особого значения присоединению Астрахани к Москве. У султана Сулеймана I хватало забот и в других частях своей обширной империи, и он понадеялся, что крымские татары и ногайцы вытеснят русских из низовий Волги. Лишь в сентябре 1563 г. султан Сулейман I послал гауша (чиновника высокого ранга) к крымскому хану с приказом готовиться в 1564 г. к походу на Астрахань. Намерение султана очень напугало... хана Девлет-Гирея. Крымские ханы меньше всего хотели военного присутствия Турции на Дону и Волге, что неизбежно сделало бы их из полунезависимых правителей бесправными подданными султана. Занятие же отдаленной Астрахани русскими не представляло, по мнению Гиреев, непосредственной угрозы Крыму. Кстати, в этом они были недалеки от истины. Действительно, Астрахань никогда не использовалась русскими в качестве базы для похода в Крым.

¹⁵ Термин «Золотая Орда» придуман московскими дьяками через несколько десятилетий после ее окончательной гибели.

В Константинополь из Крыма полетели отписки: этим летом к Астрахани идти нельзя, потому что безводных мест много, а зимой к Астрахани идти – турки стужи не поднимут, к тому же в Крыму голод большой, запасами подняться нельзя.

На следующий год Девлет-Гирей постарался вовсе отклонить султана от похода на Астрахань. «У меня, – писал он, – верная весть, что московский государь послал в Астрахань 60 000 войска; если Астрахани не возьмем, то бесчестие будет тебе, а не мне; а захочешь с московским воевать, то вели своим людям идти вместе со мною на московские украины: если которых городов и не возьмем, то по крайней мере землю повоюем и досаду учиним».

Параллельно Девлет-Гирей бомбардировал посланиями царя Ивана, в которых он подробно рассказывал о намерениях султана, и усиленно шантажировал царя. Хан предлагал отдать ему Казань и Астрахань, мотивируя тем, что иначе их заберут турки. Вряд ли хан серьезно надеялся получить их, во всяком случае с царя можно было содрать огромные поминки (то есть единовременную дань). О Казани и Астрахани царь Иван резонно ответил: «Когда то ведется, чтоб, взявши города, опять отдавать их».

Весной 1569 г., уже при Селиме II, в Каффу морем прибыло 17-тысячное турецкое войско. Султан отдал приказ кафинскому паше Касиму возглавить войско, идти к Переволоке, каналом соединить Дон с Волгой, а затем взять Астрахань. Вместе с турками в поход двинулся и хан Девлет-Гирей с 50 тысячами всадников. Турецкие суда, везшие тяжелые пушки, плыли по Дону от Азова до Переволоки.

В первой половине августа турки достигли Переволоки и начали рыть канал. Естественно, прорыть его за 2–3 месяца было нереально. В конце концов паша Касим отдал приказ тащить суда волоком. При этом Девлет-Гирей и его татары вели пораженческую пропаганду среди турок, стращали их суровой зимой и бескормицей, что, в общем-то, было вполне справедливо. Но тут турок выручили астраханские татары, пригнавшие по Волге необходимое число гребных судов. Используя их, Касим в первой половине сентября подошел к Астрахани, но штурмовать ее не решился. Вместо этого он остановился ниже Астрахани, на старом городище, решив там построить крепость и зимовать.

Но 50-тысячная татарская орда не могла зимовать в Астрахани. Крымские татары никогда не вели длительных осад. Поэтому Касим был вынужден отпустить татар на зимовку в Крым. Но тут взбунтовались янычары.

Семен Мальцев, отправленный из Москвы послом к ногайцам и захваченный турками у Азова, писал: «Пришли турки на пашу с великою бранью, кричали: нам зимовать здесь нельзя, помереть нам с голоду, государь наш всякий запас дал нам на три года. А ты нам из Азова велел взять только на сорок дней корму, астраханским же людям нас прокормить нельзя; янычары все отказали: все с царем крымским прочь идем».

Одновременно из Астрахани русские через пленного подбросили Касиму дезинформацию. Мол, вниз по Волге на помощь Астрахани идет князь Петр Серебряный с 30 тысячами судовой рати, а поем государь под Астрахань отпустил князя Ивана Бельского со 100 тысячами войска. К ним собираются примкнуть ногайцы, а персидский шах, давний враг султана, воспринял поход турок к Астрахани как попытку создания базы для операций против Персии и шлет к Астрахани свои войска.

Как видим, «деза» была весьма убедительна и правдоподобна. Нервы у Касима сдали, и 20 сентября турки зажгли свою деревянную крепость и побежали от Астрахани. В 60 верстах выше Астрахани Касиму встретился гонец от султана Селима II, который требовал, чтобы Касим зимовал под Астраханью, а весной туда прибудет сильное турецкое войско. Увы, остановить бегущее войско грамотой султана не удалось. Мало того, хитрый Девлет-Гирей повел турок в Азов не прежней дорогой, вверх по Волге, а там не через Переволоку на Дон и вниз по реке, а через пустынные степи, так называемой Кабардинской дорогой. Из-за отсутствия воды и пищи погибло много турок.

Итак, попытка османов распространить свое влияние на Среднюю и Нижнюю Волгу провалилась. Тем не менее в XVI–XVII веках безопасность Османской империи с севера была гарантирована. В Крыму и причерноморских степях кочевали татарские орды, подвластные османам. Поначалу в Константинополе не задумывались, кого они выбрали себе в союзники. Замечу, в этом не разобрались ни советские, ни нынешние демократические историки. Первые из-за приверженности к историческому материализму, вторые – из толерантности.

Марксисты считали, что в Средние века существовало два класса – феодалы и крепостные крестьяне. Причем первые жили за счет непосильного труда вторых. Но Маркс утверждал это, имея в виду феодальные отношения в Западной Европе, а вот Ленин и К^о, не мудрствуя лукаво, перенесли это положение на народы всего мира. Когда говорят «феодализм», «капитализм», «социализм» и т. п., автоматически подразумевается, что основной способ производства – феодальный, капиталистический или, соответственно, социалистический. В Крымском же ханстве феодальный способ производства имел место, но он не приносил и половины валового дохода ханства. Основным же способом производства был грабеж соседей. Такой способ производства не описан Марксом по той простой причине, что подобных государств в Западной Европе в XIII–XIX веках вообще не было.

Крымские татары совершали набеги на соседей практически ежегодно. Они никогда не осаждали крепостей и вообще не стремились к генеральным сражениям с основными силами противника. Их стратегическая и она же тактическая цель войны – награть и благополучно увести награбленное. Регулярных войск крымские ханы практически не имели. Войско в поход собиралось из добровольцев. Как писал историк Д.И. Яворницкий: «Недостатков в таких охотниках между татарами никогда не было, что зависело главным образом от трех причин: бедности татар, отвращения их к тяжелому физическому труду и фанатической ненависти к христианам, на которых они смотрели, как на собак, достойных всяческого презрения и беспощадного истребления»¹⁶.

Историк Скальковский подсчитал, что общее число татар в XVIII веке в Крыму и ногайских степях составляло 560 тысяч человек обоего пола или 280 тысяч человек мужского пола. Историк Всеволод Коховский полагал, что крымских хан для больших походов в христианские земли поднимал почти треть всего мужского населения своей страны.

А в середине XVI века Девлет-Гирей вел с собой на Русь и по 120 тысяч человек. Таким образом, в разбоях участвовали не крымские феодалы, как утверждали советские историки, а собственно все без исключения мужское население Крыма. Это, кстати, подтверждают запорожские и донские казаки, нападавшие на Крым во время походов хана на Россию. В Крыму они видели очень мало мужчин, кроме, разумеется, десятков тысяч рабов, угнанных из России, Украины, Польши и других стран.

Между прочим, Маркс и Энгельс не стеснялись называть крымских татар разбойниками. Но вот наши отечественные марксисты так и не решились выговорить это слово ни при Ленине, ни при Сталине, ни при Хрущеве.

В результате набегов крымцев от Днестра до Волги, то есть около 1400 км, образовалась огромная буферная зона – Дикое поле. На севере в XVI веке оно простиралось до Киева и Тулы. Там, в огромных лесных массивах, плавнях Дона и Днепра, укрывалось немногочисленное мирное население. Никакой власти, естественно, не было.

¹⁶ Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Киев: Наукова думка, 1990. Т. I. С. 322.

Глава 3

Почему не состоялось воссоединение украинского народа с братским турецким народом

Как известно, в январе 1654 г. состоялась Переяславская рада, на которой гетман Богдан Хмельницкий присягнул на верность царю Алексею Михайловичу. Это событие царские и советские историки называли «воссоединением Украины с Россией». Однако после смерти Богдана 27 июня 1657 г. на Украине начались усобицы. Гетманы менялись чуть ли не ежегодно. Причем иногда параллельно правили три и более соперничавших гетманов.

После 1990 г. украинские националисты будут утверждать, что-де с 1657 по 1681 г. Украина была независимой, а все ее гетманы являлись патриотами, боровшимися за ее «незалежность».

Каждый гетман, полковник или старшина, который хоть какое-то время воевал против царских войск, сейчас объявляется официальным Киевом «украинским патриотом». Есть и иная точка зрения. Так, историк Сергей Родин дал им совсем иное определение – этнические мутанты: «Этнический мутант затрудняется в оценке своей национальной принадлежности, так как чувствует в своей душе борение противоположных, взаимоисключающих начал. Многие представители казачьей старшины эпохи Гетманщины как раз и представляют такой национально мутированный тип: русские по крови, они по своей психологии, социальному быту, культурным предпочтениям примыкали к полякам и ориентировались на шляхетско-кастовые ценности. Историческая судьба распорядилась так, что окончательно ассимилироваться в польский этнос им не было суждено, но и русскими они себя уже не чувствовали, хотя по инерции еще и называли»¹⁷.

На самом деле никто из гетманов и старшин никогда не думал о независимости Украины, а лишь о личных выгодах, то есть карьере – стать полковником, а затем гетманом. Главным же был материальный стимул – захватить побольше местечек с мужиками, лесов, мельниц, пасек.

Вспомним, что после Люблинской унии 1569 г. за какие-то 50–60 лет польские паны с помощью иезуитов полностью соблазнили русское боярство и дворянство в Великом княжестве Литовском, то есть в Белой и Малой Руси. К 1648 г. практически все русское дворянство полонизировалось, то есть приняло католичество и перешло на польский язык. Ну а малороссийская старшина, происходившая на 95 % из холопов и казаков, в 40–60-х годах XVII века соблазнилась наполовину: у них сохранились малороссийский диалект русского языка и православная вера.

Но в быту старшина желала жить, как польские магнаты, то есть по своему произволу эксплуатировать мужиков и не иметь над собой никакой власти. Полковники мечтали быть независимыми от гетмана, а гетманы – от монарха. Поэтому гетманы поочередно присягали то московскому царю, то польскому королю.

Весной 1666 г. гетман Петро Дорошенко сообщил в Крым и в Константинополь, что Украина теперь в воле султана и хана. И вот из Константинополя пришел приказ новому крымскому хану Адиль-Гирею, сменившему Камиль-Мухаммед-Гирея весной 1666 г., чтобы тот с ордой шел войной на польского короля. В сентябре 1666 г. толпы татар под начальством нурадина Девлет-Гирея напали на Украину. Царевич остановился под Крыловым и оттуда разослал загоны за Днепр под Переяслав, Нежин и другие черкасские города и увел пленных около пяти тысяч.

¹⁷ Родин С. Отрекаясь от русского имени. Украинская химера. М.: Крымский мост-9Д, Форум, 2006. С. 305.

Захватив эту добычу в Левобережье, Девлет-Гирей отошел на Умань, там два месяца кормил лошадей, потом соединился с казачьим войском и двинулся на короля. Под Межибожем союзное войско встретилось с отрядами польских полковников Маховского и Красовского, насчитывавшими около двух тысяч гусар, рейтар, шляхты и драгун. Поляки были наголову разбиты, а Маховского в кандалах привезли в Крым.

После этой победы татары и казаки кинулись за добычей под Львов, Люблин и Каменец, «побрали в плен шляхты, жен и детей, подданных их и жидов до 100 000, а по рассказам польских пленников – 40 000. Татары брали пленных, но казаки этим не довольствовались: они вырезывали груди у женщин, били до смерти младенцев»¹⁸.

К этому времени и русские, и поляки поняли бесперспективность дальнейшей войны. Ну а в Москве был подписан мир. Согласно его условиям, Польша получала Витебск и Полоцк с уездами, Динабург, Лютин, Резицы, Мариенбург и всю Ливонию, а также всю Правобережную Украину. К России отходили воеводство Смоленское со всеми уездами и городами, повет Стародубский, воеводство Черниговское и вся Украина с путивльской стороны по Днепр.

Киев с окрестностью в одну милю до 5 апреля 1669 г. оставался у русских, а затем передавался полякам.

Южная граница России и Польши должна была идти по линии от Днепра (у Киева) на восток до южных границ Путивльского округа, то есть по линии Киев – Прилуки – Ромны – Недригайлов – Белополье и до стыка с нынешней границей России.

Левобережье к югу от этой линии и до современного Запорожья было объявлено территорией запорожских казаков. Сами же запорожские казаки должны были находиться «под послушанием обоих государей» и быть готовыми служить против неприятелей и королевских, и польских. Но оба государя должны были запретить запорожцам, как и вообще всем черкесам, выходить в Черное море и нарушать мир с турками.

Тем не менее война на Украине не прекратилась. Как уже говорилось, и гетманы, и старшины Малой Руси воевали не против поляков или москалей, а исключительно за земли и привилегии. Вполне естественно, что Андрусовский мир не смог решить всех их проблем. В итоге война на Украине продолжалась в прежнем объеме, разница была лишь в том, что поляки и русские больше не вели военных действий между собой.

Гетман Иван Брюховецкий не пожелал быть гетманом только Левобережья и в 1668 г. поднял мятеж против царя. Однако вскоре он был разбит войсками гетмана Дорошенко, который видел в нем конкурента. По приказу Дорошенко казаки привязали Брюховецкого к пушке и забили насмерть.

Понятно, что население Левобережья не захотело идти под власть турецкого ставленника Дорошенко, и на раде старшин в Новгороде-Северском гетманом Левобережья был избран Демьян Многогрешный.

В 1668 г. запорожцы отказались подчиняться Дорошенко, а избрали гетманом Правобережья Петра Суховенко. Дорошенко удалось разбить войско Суховенко. Тогда запорожцы избрали еще одного гетмана, Михаила Ханенко, и продолжили войну с Дорошенко. Ханенко обратился за помощью к Польше, Дорошенко же обратился за помощью в Константинополь. Посланцу гетмана, носившему красноречивое прозвище Портянка, султан Мехмед IV повелел ответить: «Я за вами не посылал и не очень в вас нуждаюсь. Если искренне ждете помощи от меня, чтобы защищал вас от ваших неприятелей, то могу вашу просьбу уважить. Но и вы учтите, что должны быть верными. Я не король польский, не царь московский и не король венгерский, которых вы надурили и предали свою же веру. На вашу просьбу сделаю, что вас приму, чтобы вы держались, но если не сдержитесь, сами увидите, что с вами будет».

¹⁸ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. Кн. VI. С. 179.

В марте 1672 г. турецкий султан Мехмед IV прислал польскому королю Михаилу Вишневецкому грамоту с выговором, что поляки «беспокоят» владения гетмана Дорошенко, который вступил в число «невольников высокого порога нашего», то есть стал подданным Турецкой империи. Поляки ответили, что Украина «от веков была наследием наших предшественников, да и сам Дорошенко не кто иной, как наш подданный».

Весной 1672 г. турецкая армия перешла Дунай и вторглась в Подолию, на территорию Речи Посполитой. Армией формально командовал сам султан Мехмед IV. Вскоре к туркам присоединилась орда крымского хана Эльхадж-Селим Гирея и казаки Дорошенко. Современники оценивали численность турецкой армии в 300 тысяч человек.

Первым был взят город Каменец, «православные и католические церкви его были обращены в мечети, знатные женщины забраны в гаремы, многие христианские мальчики обрезаны и обращены в мусульманскую веру; один обрезан был даже в соборной церкви, в присутствии самого султана»¹⁹.

28 сентября 1672 г. турки взяли Львов и собирались идти на Киев. Ляхи срочно запросили мир. 5 октября в Бугаче (Восточная Галиция) был подписан мирный договор. Польша уступала Турции Каменец с прилегающими землями и признала Петра Дорошенко подданным турецкого султана. Само собой, что ляхи выплатили огромную контрибуцию.

Близилась зима, и туркам не было резона оставаться на разграбленной и выгоревшей Украине. В итоге турецкое войско ушло зимовать за Дунай, крымский хан – к себе в Бахчисарай, а гетман Дорошенко – в свою местечковую столицу город Чигирин.

Между прочим, пока султан с ханом гуляли по Украине, запорожцы по-прежнему занимались любимым промыслом. Летом 1672 г. 34 запорожские чайки гуляли по Черному морю, топили купцов и грабили побережье.

В Москве всерьез восприняли турецкую угрозу. В начале января 1673 г. большое войско под командованием воеводы боярина Юрия Петровича Трубецкого двинулось на Украину. 13 февраля Трубецкой был уже в Киеве.

В конце 1672 г. поляки прислали в Москву грамоту с предложением совместных действий против турок на Украине в следующем году. Наши бояре вежливо отказали.

Для начала московское правительство послало деньги и оружие казакам в Запорожскую Сечь и на Дон. В крепость Кодак и в Сечь были направлены воевода князь Степан Степанович Волконский и полковник Иоганн Купер с тысячей солдат «нового строя».

В свою очередь запорожцы во главе с кошевым атаманом Иваном Сирко в начале июня 1673 г. разорили крымский город Аслам и много татар в полон забрали.

Затем Сирко двинулся к Очакову и разорил его окрестности. Потом он поднялся по Днепру и начал преследовать татар, действовавших на юге Украины. В сентябре 1673 г. Сирко со своим воинством благополучно вернулся в Сечь.

Для начала Москва попыталась договориться с «турецкоподданным» гетманом Дорошенко, но хохол упрямылся. И тогда в середине января 1674 г. русские полки и казаки гетмана Левобережной Украины Самойловича переправились через Днепр, сожгли Вороновку, Боровицу и Бужин, а 27 января взяли город Крылов. Путь к Чигирину, где засел Дорошенко, был свободен.

29 июля 1673 г. русско-казацкое войско под началом боярина Григория Ромодановского и гетмана Самойловича осадило Чигирин. Город имел две линии укреплений – верхний и нижний город. Гарнизон Чигирин составлял около 4 тысяч человек, имелось до ста орудий. Тем не менее московская осадная артиллерия действовала достаточно эффективно, и Дорошенко готовился было сдаться. Но в начале августа разведка донесла о том, что на выручку Чигирину идут большие силы турок и татар.

¹⁹ Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 332.

Боярин и гетман испугались и 10 августа отступили от Чигирина, а 12 августа уже вошли в Черкассы.

Крымский хан через день после отступления русского войска был встречен Дорошенко за 10 верст от Чигирина и для начала получил от гетмана в подарок до двухсот невольников из левобережных казаков, а для всех его татар – дозволение брать сколько угодно людей в неволю из окрестностей Чигирина за то, что жители с приходом русских войск отступились от Дорошенко.

В итоге Ромодановский и Самойлович приказали войску переходить на левую сторону Днепра, а Черкассы сжечь. Население города безропотно смотрело на пожар, а затем также отправилось на левый берег. Обыватели прекрасно понимали, что с ними сделают татары после захвата Черкасс.

Узнав об отходе Ромодановского и Самойловича, десятки тысяч жителей городов и сел Правобережья кинулись переправляться через Днепр.

Мехмед IV приказал Дорошенко отправить в Турцию в его гарем 500 мальчиков и девочек в возрасте от 10 до 15 лет. Неплохо бы напомнить сей факт господам самостийникам, от чего их спасли в XVII «русские захватчики».

Осенью 1675 г. запорожский кошевой атаман Сирко вместе с донским атаманом Фролом Минаевым, приведшим 200 казаков, и царским окольничим Иваном Леонтьевым (2000 стрельцов) ходили на Крым. К ним присоединился и отряд калмыцкого мурзы Мазана.

У Перекопа Сирко разделил свое войско. Одна половина войска вторглась в Крым, а другая осталась у Перекопа. Казаки взяли Козлов (Евпаторию), Карасубазар (Белогорск) и Бахчисарай и, обремененные добычей, отправились назад. Хан Эльхадж-Селим-Гирей решил напасть на возвращавшихся казаков у Перекопа, но был атакован с двух сторон обеими частями запорожского войска и наголову разбит.

Казаки скоро двинулись домой. Вместе с ними шло 6 тысяч пленных татар и 7 тысяч русских рабов, освобожденных в Крыму. Однако около 3 тысяч рабов решило остаться в Крыму, причем многие из них были «тумы», то есть дети русских пленников, родившиеся в Крыму. Сирко отпустил их, а затем велел молодым казакам догнать их и всех перебить. После Сирко сам подъехал к месту бойни и сказал: «Простите нас, братья, а сами спите тут до страшного суда господня, вместо того, чтобы размножаться вам в Крыму, между бусурманами на наши христианские молодецкие головы и на свою вечную без прощенья гибель».

Поход русских и калмыков на Крым привел в бешенство султана Мехмеда IV. И вот по совету Ахмета Кепрюлю султан осенью 1675 г. послал в Крым из Константинополя на кораблях 15 тысяч отборных янычар и велел крымскому хану Эльхадж-Селим-Гирею со всей крымской ордой с наступлением зимы перебить всех запорожцев, а саму Сечь разорить до основания. Хан скрытно подошел к Сечи, но был вдребезги разбит казаками.

В 1675 г. султан Мехмед IV прислал в Сечь письмо, в котором предлагал запорожским казакам признать свою зависимость от Турции и покориться ему как «непобедимому льщаю». На что последовал знаменитый ответ запорожцев: «Ты – шайтан турецкий, проклятого черта брат и товарищ и самого Люцифера секретарь! Какой ты с черту лицарь?» Заметим, что письмо, опубликованное в конце XIX века русской прессой, было сильно искажено цензурой, поскольку казаки не стеснялись в выражениях. Кончалось подлинное письмо так: «Вот как тебе казаки ответили, плюгавче! Числа ж не знаем, ибо календаря не имеем, а день у нас який и у вас, так поцелуй же в сраку нас! Кошевой атаман Иван Сирко со всем кошом запорожским».

Ряд историков сомневаются в подлинности этого письма, но, в любом случае, оно соответствует духу войска Запорожского.

Между тем гетман Дорошенко, от которого отвернулась большая часть сторонников, решил покаяться царю Алексею. Для начала он предложил «сдать гетманство и положить клейноты» перед запорожскими казаками. Запорожцы согласились.

10 октября 1675 г. кошевой запорожский атаман Иван Сирко и донской атаман Фрол Минаев с отрядами запорожцев, донцов и калмыков прибыли к Чигирину. Дорошенко встретил их вместе с духовенством, неся хоругви и образа, а затем созвал на раду всех оставшихся в Чигирине казаков. Когда все собрались, Дорошенко положил свои войсковые клейноты – булаву, бунчук и знамя, – и перед Евангелием произнес клятву на вечное подданство царю Алексею Михайловичу.

Сирко забрал войсковые клейноты Дорошенко и увез их в Сечь. 15 октября он известил Малороссийский приказ о происшедшем важном событии и от имени всего запорожского коша бил челом принять Дорошенко милостиво, сообразно данной им присяге верно служить царскому пресветлому величеству.

В марте 1677 г. Дорошенко был доставлен в Москву. Алексей Михайлович скончался в 1676 г. и на престол вступил его сын Федор. Бывший гетман был удостоен царской аудиенции. Думный дьяк перечислил все его вины, а затем объявил, что «великий государь все вины его и преступления прощает и никогда уже вины те ему воспоминаются не будут».

В Москве Дорошенко «купил двор за 700 рублей» (видимо, речь идет об усадьбе) и построил новый дом «о семи покоях». А в апреле 1679 г. бояре предложили ему быть воеводой в Вятке с жалованьем 1000 рублей в год. Дорошенко понял, что его больше не выпустят на Украину, да и там у него было слишком много врагов во главе с гетманом Самойовичем, и согласился. На воеводстве в Вятке он пробыл до 1682 г., а затем вернулся в Москву. Царь Федор подарил ему из государственных волостей тысячу дворов в селе Яропольце под Волоколамском со всеми принадлежавшими к ним угодьями. Дальше Дорошенко жил то в Москве, то в Яропольце и тихо скончался в 1695 г. на 71-м году жизни.

Когда в Константинополе узнали, что «негодный и неблагодарный» Дорошенко, забыв все благодеяния падишаха, изменил ему и отдался московскому государю, то Мехмед IV приказал отправить большое войско на Украину. А для казаков, которые в Константинополе по-прежнему считались «турецкоподданными», было решено назначить нового гетмана. За неимением лучшего вспомнили о Юрии Хмельницком, сидевшем в константинопольской тюрьме Еди Куллэ (Семибашенный замок). Юрий в монастыре дослужился до архимандрита, но затем был взят в плен казаками Дорошенко и передан туркам. Теперь турки вывели Юрия из Еди Куллэ и доставили к великому визирю. Там возложили ему на голову бархатный колпак, а на плечи – соболью шубу и провозгласили гетманом и «князем малороссийской Украины». Турки выдумали этот новый титул, чтобы подействовать на украинское население. Тем самым сыну Богдана Хмельницкого как бы давалось наследственное право. Юрий пытался отказаться, мотивируя отказ тем, что он уже постригся в монахи, но великий визирь нашел выход: он приказал константинопольскому патриарху Парфению снять с Юрия монашеский обет. Патриарх не мудрствуя лукаво выполнил волю великого визиря.

Явление Юрия Хмельницкого в Константинополе, которого в Москве считали умершим, произвело эффект взорвавшейся бомбы. В малороссийские полки и в Сечь были посланы царские грамоты о том, чтоб не слушать «прельстительных универсалов Юраски». В Чигирин были отправлены генерал-майор Афанасий Трауэрнихт, стрелецкие головы Титов и Мещеринов с их приказами и полковник инженер Фан-Фрастен. В посланных туда трех стрелецких приказах насчитывалось до 24 тысяч человек.

К весне 1677 г. русские и гетманские войска располагались следующим образом: в Батурине²⁰ на реке Сейм стоял гетман Самойович с 20 тысячами казаков. Его главные силы во главе с боярином и воеводой Ромодановским (42 тысячи солдат, рейтаров и конных дворян) собрались в Курске. Резерв составили полки Голицына и Бутурлина в Путивле и Рыльске (15–20 тысяч человек).

²⁰ Город Батурин – столица промосковских гетманов.

И в Москве, и в Батурине понимали, что целью похода турок будет захват Чигирина. Во-первых, город имел важное стратегическое значение, а во-вторых, малороссы привыкли считать его гетманской столицей. Естественно, что турки будут стремиться захватить ее и сделать резиденцией Юрия Хмельницкого.

3 августа 1672 г. в виду Чигирина стали появляться турки, а утром 4 августа все огромное турецкое войско раскинулось на восточной и южной стороне от Чигирина.

Командовал турецкой армией Ибрагим-паша по прозвищу Шайтан. По данным того же Петрика Гордона, у Ибрагим-паши было 45 тысяч татар и валахов, из которых около 15 тысяч янычар при 28 пушках. У крымского хана же было до 20 тысяч сабель, а у Юрия Хмельницкого первоначально состояло не более сотни казаков.

Осадив Чигирин, турки сразу приступили к осадным работам и начали обстрел крепости. А Хмельницкий послал к сидевшим в Чигирине казакам универсал, убеждая признать себя князем, обещал от падишаха всякие милости и, сверх того, сулил каждому казаку жалованье за два года и по два новых жупана.

Однако казаки и царские стрельцы стояли насмерть в Чигирине. А 10 августа войска боярина Ромодановского и гетмана Самойловича двинулись на выручку Чигирина. 29 августа турки бежали. Мехмед IV был страшно разгневан. Ибрагим-пашу по приказу султана заключили в тюрьму Еди Куллэ. Султанский гнев не миновал и крымского хана Селим-Гирея: он был смещен с престола и сослан на остров Родос.

Весной 1678 г. большое турецкое войско вновь двинулось на Чигирин. Осада началась 9 июня. 11 августа туркам удалось штурмом взять крепость. Тем не менее значительная часть гарнизона во главе с Петриком Гордоном прорвалась сквозь ряды осаждающих и соединилась с войсками Ромодановского и Самойловича, находившимися на правом берегу Днепра.

После сдачи Чигирина Ромодановский был вынужден отступить от Днепра. 12 августа на рассвете армия выступила и шла, построенная в большое каре и окруженная несколькими рядами воев, как шанцами.

И кавалерия, и пехота шли пешие, и этот порядок соблюдался до самого берега Днепра.

Крымские татары взяли и разграбили несколько небольших правобережных городков – Канев, Черкассы, Корсунь, Немиров – и отправились к Перекопу. А в октябре 1678 г. великий визирь с частью армии ушел за Буг. Главная причина отступления великого визиря от Бузина была та же, что и Наполеона в 1812 г., – нехватка продовольствия в разоренной стране.

В конце 1678 г. ряд городов Левобережной Украины присягнули Хмельницкому. Среди них были Корсунь (на реке Рось), а также Кальник и Немиров (в районе Винницы). Жители Канева ответили Хмельницкому, что не могут перейти на его сторону, опасаясь «московских людей», благо, город стоял на правом берегу Днепра. Многие обыватели вместе с семьями начали перебираться на левый берег. Находившийся в Переяславле гетман Самойлович послал в Канев несколько сотен пехотного полка Кожузовского, надеясь, что Юраска придет с небольшим отрядом татар, и в то же время советовал всем остальным горожанам убираться скорее за Днепр.

Великий визирь отправил на Канев несколько тысяч турок с 15 пушками. Казаки Самойловича не выдержали натиска неприятеля и все погибли в бою. Немногочисленные жители, оставшиеся в Каневе, укрылись в каменной церкви. Но турки обложили церковь дровами и хворостом и подожгли их. Все находившиеся внутри задохнулись от дыма. Испуганные судьбой Канева, Юрию Хмельницкому покорились городки Черкассы, Машна и Жаботин.

По возвращении посланного в Канев турецкого отряда визирь с Капустиной долины двинулся со всем войском в турецкие владения.

Сам же Юрий Хмельницкий сделал своей резиденцией город Немиров. Кроме казаков, у него было полторы тысячи крымских татар. В январе – феврале 1679 г. Хмельницкий совершил рейд на Левобережье, но быстро ушел за Днепр, преследуемый гетманскими казаками.

Полки гетмана Самойловича во второй половине февраля 1679 г. форсировали Днепр и начали выбивать сторонников Хмельницкого и крымских татар из правобережных городов. 25 февраля был штурмом взят город Ржищев (на Днепре выше Канева). Город был сожжен, а всех обывателей отправили на жительство в Переяслав и Корсунь.

Эти действия гетмана показали, что Москва отказалась от попытки присоединить к себе юг Правобережной Украины. Турки тоже не хотели продолжать войну. В итоге в сентябре 1680 г. в Крым был отправлен талантливый дипломат стольник Василий Тяпкин. Обе стороны не хотели «терять лицо», поэтому лишь в начале 1681 г. был заключен так называемый Бахчисарайский мир между Россией, с одной стороны, и Турцией и Крымским ханством – с другой. Точнее, это был не мир, а перемирие сроком на 20 лет (начиная с 3 января 1681 г.).

По условиям этого перемирия границей между Турцией и московскими владениями стала река Днепр. Москва обязалась выплатить дань крымскому хану за три последних года (она не выплачивалась из-за войны). Кстати, у нас дань называли подарками (поминками).

По условиям перемирия в течение 20 лет от Буга до Днепра крымскому хану и турецкому султану не разрешалось строить новых городов или восстанавливать старые разоренные города и местечки. Московское же правительство обязывалось не принимать перебежчиков, никаких поселений на упомянутых казацких землях не строить, «оставить их впусе». Запорожские казаки оставались на стороне Московского государства, а «султану и хану до них дела нет, под свою державу их не презывают».

В итоге гетман обеих сторон Днепра Самойлович вновь стал гетманом Левобережья. Юрий Хмельницкий был теперь никому не нужен, и турки, придравшись к нему из-за убийства какой-то еврейки, увезли его из Немирова и удавили на берегу Дуная.

В 1681 г. в Бахчисарае московские послы отдали туркам юг Левобережной Украины, то есть то, что принадлежало полякам по Андрусовскому договору 1667 г. Справедливости ради замечу, что и ляхи, заключив мир с турками 17 октября 1676 г., нарушили этот мир, ущемив интересы России.

Утверждение турок на Левобережной Украине было смертельно опасно для Речи Посполитой. И в 1683 г. ляхи напали на турок. Им удалось отбить Немиров и ряд подольских городков. Поляки пытались втянуть в войну с Турцией и Россию. Но 27 апреля 1682 г. в Москве скончался царь Федор Алексеевич, и началась Смута. Тут было не до войны с турками.

1 (12) сентября 1683 г. поляки, немцы и левобережные казаки под командованием польского короля Яна Собеского разбили турок под Веной. После этого турки уже не совались на правый берег Днепра.

Так закончилась попытка Мехмеда IV присоединить Малороссию к Османской империи. А то бы «демократы» в 2018 г. в Киеве торжественно отметили бы 350-летие «воссоединения украинского народа с великим турецким».

Глава 4

Покорение Крыма

Московское государство в XVI–XVII веках тратило огромные суммы на «поминки» (подарки) крымским ханам. Фактически это была замаскированная выплата дани, сопоставимая с данью ханам Золотой Орды.

Так, в 1591 г. сумма «поминок» составила 27 тыс. рублей.

В 1618 г. гетман Сагайдачный ограбил двух московских послов – Степана Хрущева и Семейку Бердихина, которые везли поминки в Крым. Завязалась переписка, и Москва назвала сумму в 8467 рублей. Разумеется, Сагайдачный не отдал ни копейки.

В первой половине XVIII века из Крыма, по свидетельству католического миссионера Дюбана, ежегодно вывозилось в среднем 20 тысяч рабов. В основном они были уроженцами Московского государства и меньшей частью – Речи Посполитой.

В XVI–XVII веках считалось успехом, если московские воеводы останавливали крымцев на Оке, а это сделать удавалось, увы, не всегда.

С 1580 по 1590 г. русские строят южную линию городов-крепостей – Белгород, Воронеж, Валуйки, Елец, Кромы, Курск, Лебедянь, Ливны, Оскол, Царев-Борисов. Города-крепости соединялись между собой малыми укреплениями и «засечными чертами». «Засечные черты» представляли собой в 100 метров шириной полосы поваленных верхушками на юг деревьев, укрепленные валами. Вдоль всей черты располагались дозорные вышки и укрепленные пункты – остроги. Эти меры в известной степени ослабили набеги татар, прорывы крымцев к Оке стали редкостью.

В июле 1632 г. 20-тысячное татарское войско разграбило Елецкий, Карачевский, Ливенский, Мценский, Новосильский и Орловский уезды. Только в октябре татары ушли домой. В июне 1633 г. 20-тысячное татарское войско во главе с Мубарек Гиреем razорило приокские уезды – Алексинский, Калужский, Каширский, Коломенский, Серпуховской, Тарусский и даже Московский за Окой.

В ответ московское правительство в 1635 г. начало грандиозные по своим масштабам строительные работы на новой линии – «Белгородской черте», протянувшейся на 800 км от реки Ворсклы (приток Днепра) до реки Челновой (приток Цны). Это была сплошная укрепленная линия с вновь построенными десятками крепостей, с валами и рвами. «Белгородская черта» проходила от

Ахтырки через Вольный, Хотмышск, Карпов, Белгород, Корочу, Яблонов, Новый Оскол, Усерд, Олышанск, Воронеж, Орел, Усмань, Сокольск, Добрый, Козлов до Тамбова. Строительство ее было в основном завершено к 1646 г., а доделки продолжались еще 10 с лишним лет.

При царях Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче были построены еще две засечные черты – Симбирская (1648–1654 гг.) и Сызранская (1683–1684 гг.). Строительство защитных линий продолжалось вплоть до присоединения Крыма к России.

Однако, несмотря на мужество русских воевод и простых ратников, несмотря на огромные средства, вложенные в строительство защитных линий, татарские набеги не прекращались.

В первой половине XVI века, как и раньше, Крымское ханство было неспособно само обеспечить себя продовольствием. Ханы абсолютно не заботились о развитии экономики ханства, видя источник существования государства и своего обогащения в грабеже других народов и в войнах.

Когда турецкий султан однажды запретил крымскому хану Мухаммеду-Гирею I (1513–1523) нападать на дружественные ему тогда государства, тот цинично спросил сюзерена: «Не велишь пойти на московского и волошского [князей], чем быть [тогда] сыту и одету?»

Ликвидировать угрозу Центральной России можно было, только заняв Крым. В январе 1769 г. 70-тысячная орда хана Гирея вторглась в русские пределы. Это был последний набег татар на Русь. Екатерина Великая приказала занять Крым Второй армии, командующим которой был назначен князь Василий Михайлович Долгоруков.

Сосредоточение войск на Днепровской линии закончилось к концу мая. 27 мая Сивашский отряд двинулся к Геническу, а главный корпус 9 июня начал движение к Перекопу. 12 июня он вышел к крепости Орь, а в это время Сивашский отряд начал погрузку на корабли Азовской флотилии вице-адмирала А.Н. Сенявина.

Укрепления Перекопа защищало 50 тысяч татар и 7 тысяч турок под начальством крымского хана Селим-Гирея III.

Разделив свой корпус на семь колонн, Долгоруков в ночь с 13 на 14 июня начал штурм Перекопской линии. К 15 июня Перекопская линия пала, а гарнизон крепости Орь капитулировал. Так же успешно действовал Сивашский отряд, который высадился на косе 17 июня, а в ночь на 18 июня штурмом овладел крепостью Арабат. Действия войск прикрывались с моря эскадрой Сенявина.

После разгрома татарских войск на Перекопе Селим-Гирей бежал в Румелию, поручив защиту Крыма командующему турецкой армией Ибрагиму-паше. Последний предлагал сначала защищаться в Карасубазаре, но затем отошел к Каффе, надеясь на прибытие подкреплений из Константинополя.

29 июня основные силы Долгорукова подошли к Каффе и начали бомбардировку ее укреплений. Стоявшие на рейде турецкие корабли после обстрела русской артиллерией ушли в море.

Русские войска стремительно атаковали Каффу, и комендант отдал приказ сдать крепость.

Узнав о взятии Каффы, турки, находившиеся в Керчи, поспешили отплыть на кораблях в Стамбул. Русские войска без боя заняли Керчь и Еникале.

22 июня отдельным отрядом генерала Брауна был взят Козлов (Евпатория). Вскоре русские войска заняли восточный и южный берега Крыма, включая Судак, Ялту, Балаклаву и Ахтиар.

Быстрое продвижение русских войск в Крыму в известной степени было обусловлено раздорами среди татар. Так, еще до начала похода Долгорукова едисанцы, бубжаки и джамбулуки (орды, кочевавшие в Северном Причерноморье) объявили себя сторонниками России. В худшем случае они держали нейтралитет. Естественно, что тут не обошлось без подкупа. Только едисанской орде Екатерина отстегнула 14 тысяч рублей якобы за обиды, чинимые орде запорожцами.

В самом Крыму после бегства Селим-Гирея царило безвластие. Несмотря на продолжение боевых действий, с конца июня крымская верхушка находилась в переписке со штабом Долгорукова. Фактически с конца июля большая часть крымских татар согласилась на перемирие.

28 июля к Долгорукову прибыли два знатных татарина с вестью об избрании в Карасубазаре нового хана – Сагиба-Гирея II. Посланные от имени всего общества ручались за верность избранных как не имеющих никакой привязанности к Порте, от которой вовсе отторглись, что подтвердили клятвой перед целым обществом, с русскою же империей вступили в вечную дружбу и неразрывный союз под высочайшую протекцию и ручательство императрицы.

Долгоруков потребовал от нового хана немедленного освобождения русских и вообще христианских рабов. «Чтобы не возбудить негодования черни», татарские мурзы и духовенство решили платить владельцам за отпущенных рабов-христиан: за мужчину – 100 левков, за женщину – 150 левков. Как видим, даже «чернь» в Крыму была рабовладельцами. Вот еще одно доказательство неприменимости марксистских теорий к крымским татарам. Посредством

такого выкупа в армию приведено было мужчин и женщин 1200 человек. Многие солдаты, особенно из поселенных гусарских и пикинерских полков, нашли среди них своих жен и детей.

Но как только между рабами пронеслась весть, что их освобождают, те не стали дожидаться определенного для выкупа срока и бросились бежать к русским. Таких беглецов в августе месяце 1769 г. при армии было уже до 9 тысяч душ. По уговору с крымцами русский главнокомандующий велел поднять кресты на двенадцати греческих церквях в Каффе и снабдить их колоколами. Также по всем городам и селам начали восстанавливать греческие церкви.

Нетрудно догадаться, насколько «приятными» оказались сии «новшества» для татар. Немедленно же начались столкновения с новым ханом. Князь Долгоруков уведомил Сагиб-Гирея, что в крымских крепостях останутся русские гарнизоны для защиты от турок и что крымцы должны доставлять этим гарнизонам топливо.

10 июля 1774 г. Россия и Турция подписали Кючук-Кайнарджийский мир. Этот договор привел Крым в метастабильное положение. Формально Крымское ханство было объявлено независимым. Но турецкий султан по-прежнему был духовным главой татар. Крымский хан, вступающий на престол, должен был быть утвержден султаном. Профиль султана по-прежнему чеканился на крымских монетах. За него продолжали молиться во всех мечетях.

С другой стороны, в нескольких районах Крыма остались русские войска, а из Петербурга в Крым не пересыхал золотой ручеек, заканчивавшийся в бездонных кошельках татарских мурз. Естественно, что в Крыму образовались две враждующие между собой партии: русская, стоявшая за дружбу с Петербургом, и турецкая, призывавшая татар вернуться в подданство Турции.

В апреле 1783 г. Екатерина II издала манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую державу». В нем говорилось: «В прошедшую с Портою Оттоманскую войну, когда силы и победы оружия Нашего давали нам полное право оставить в пользу Нашу Крым, в руках наших бывший, Мы сим и другими пространными завоеваниями жертвовали тогда возобновлению доброго согласия и дружбы с Портою Оттоманскую, преобразив на тот конец народы татарские в область вольную и независимую, чтобы удалить навсегда случаи и способы к распрям и остуде, происходившим часто между Россиею и Портою в прежнем татар состоянии... Но ныне... по долгу подлежащего нам попечения о благе и величии Отечества, стараясь пользу и безопасность его утвердить, как равно полагая средством, навсегда отдаляющим неприятные причины, возмущающие вечный мир между империями Российской и Оттоманской заключенный, который мы навсегда сохранить искреннее желаем, не меньше же и в замену и удовлетворение убытков Наших, решились Мы взять под державу Нашу полуостров Крымский, остров Таман и всю Кубанскую сторону».

Екатерина блестяще закончила дело Дмитрия Донского, Ивана III и Ивана Грозного. Екатерина писала, что по приобретении Крыма «исчезает страх от татар, которых Бахмут, Украина и Елисаветград поныне еще помнят».

За прошедшие 200 лет нашлось немало историков, как за рубежом, так и у нас, осуждавших Екатерину Великую за «захват Крыма и лишение татар независимости». Не буду напоминать, как в XVIII и XIX веках Англия и Франция захватывали территории в Африке и Азии, не буду вспоминать истребление индейцев в Америке. Скажу лишь, что даже по меркам современной морали и права Екатерина поступила вполне лояльно с татарами, принесшими столько горя Руси.

Григорий Потемкин в ордере командующему русскими войсками в Крыму генералу де Бальмену от 4 июля 1783 г. указал: «Воля ее императорского величества есть, чтобы все войска, пребывающие в Крымском полуострове, обращались с жителями дружелюбно, не чиня отнюдь обид, чему подавать пример имеют начальники и полковые командиры».

Великая императрица была и великой конформисткой. Она без лишней огласки, даже не спросив мнения русского дворянства, дала все дворянские права всем татарским мурзам.

Позже русские историки XIX века острили, что в первые годы после присоединения Крыма дворянство давалось каждому, кто носил саблю на боку и орал, что он «балшой человек».

Мало того, многие из татар были поставлены военными и гражданскими чиновниками. Так, Метша бей Ширинский был временно назначен областным предводителем дворянства и получил чин коллежского советника (чин VI класса, соответствовавший военному званию полковника).

Согласно «Очерку военной службы крымских татар с 1783 по 1899 г...» татарского историка Измаила Мурзы Муфтийзаде, опубликованному в «Известиях Таврической ученой архивной комиссии» № 30, 1899 г.: «В январе 1787 г. были произведены в Крыму первые дворянские выборы, на которые съехались со всего Крыма до ста мурз, и закрытыми шарами были избраны:

Уездными предводителями дворянства:

Симферопольским – Абдувели ага Топечокракский.

Феодосийским – майор Атай мурза Ширинский (владелец д. Учкуй).

Перекопским – Уссин бей Мансурский.

Евпаторийским – Арсланша мурза Ширинский.

Уездными судьями:

Симферопольским – Черкес Мегмед ага.

Феодосийским – Мамбет мурза Ширинский.

Перекопским – Мердимша мурза Мансурский.

Евпаторийским – Батыр ага (владелец д. Кабач)

Уездными исправниками:

Симферопольским – капитан Болат бей.

Феодосийским – Темирша мурза.

Перекопским – Сеит Ибрам ага Тащи-оглу.

Евпаторийским – капитан Абдураман ага Мамайский.

Все места депутатов, заседателей как дворянских опек, так и верхних и нижних земских судов, были замещены молодыми мурзами с чинами. Перечень их имен сильно лишним помещать здесь, но позволю себе упомянуть, что до 1840 года большинство выборных мест по Крыму было занято мурзами».

Екатерина II отменила для крымских татар рекрутские наборы, распространенные на все губернии, заселенные этническими славянами. С другой стороны, для всех татар, желавших добровольно служить в русской армии, согласно указу военной коллегии от 1 марта 1784 г. было создано Национальное татарское войско в составе 5 дивизионов.

Могли ли о таком мечтать русские крестьяне? Причем замечу, что на службе даже для старших офицеров из татар не требовалось перехода в православие. До 1917 г. в русской армии постоянно служило несколько генералов мусульманского вероисповедания.

Риторический вопрос: мог ли какой-либо западноевропейский монарх, в той же Англии и Франции, в конце XVIII века дать дворянство и чины вождям и знати племен на вновь присоединенных территориях: например, арабам, готентотам, бушменам и др.?

Наконец, крымским татарам было оставлено собственное судопроизводство. Им предоставлялось право разбирать взаимные тяжбы у улемов. Мусульманское духовенство навсегда освобождалось от уплаты податей.

Итак, татары в Крыму получили те же права, что и остальные жители империи, но были избавлены от рекрутских наборов и ряда других тягот. Никто не покушался на их веру, на

их скот, на их земли. Но у них отняли самое главное их право – грабить соседей и торговать рабами. Этого они никогда не простят русским.

Сразу после отделения Крыма от Османской империи при поддержке Екатерины II начались массовые переселения оттуда в Новую Россию местных христиан, в основном греков (свыше 20 тысяч человек) и армян. Так, греки основали в 1780 г. город Мариуполь и свыше двадцати селений в его окрестностях.

С 1769 г. началась иммиграция в Новую Россию евреев из Западной России и Польши. Русские власти разрешили им селиться в городах и местечках в расчете на развитие торговли и ремесел. Предоставляемые им льготы были невелики по сравнению с льготами других иностранцев. Так, дома и школы евреи должны были строить сами за свой счет. Освобождение от постоев и повинностей (за исключением казенным податей) давалось им всего на один год, так же как и от пошлыны за горячее вино. Евреям давалось право содержать винокурни и броварни, нанимать себе русских работников и т. д. Расселение евреев по новороссийским городам шло успешно. Русское правительство оставило им кагалное устройство и предоставило полное самоуправление.

Лишь избавившись от страшного бича – набегов крымских татар, российское правительство смогло начать полномасштабное освоение Новой России.

Еще весной 1776 г. был заложен город Екатеринослав (с 1926 г. Днепропетровск). В 1784 г. его перенесли на другой берег Днепра. В 1790 г. Потемкин строит себе в Екатеринославе дворец по проекту архитектора И.Е. Старова. Там он создал суконную и чулочную фабрики. Однако местность вокруг по-прежнему оставалась пустой, и город развивался медленно до середины XIX века.

Еще в 1778 г. Екатерина II поручила Потемкину найти место для гавани и верфи на Нижнем Днепре и основать там город. Потемкин выбрал Александрианц в 35 верстах от днепровского устья. «В короткое время он хотел сделать его столь же цветущим и знаменитым, как древний Херсонес Таврический, устроить в нем все, что Петр Великий устроил в Петербурге, – крепость, адмиралтейство, верфь, карантин, пакгаузы, каменные дома, коммерческий и военный флот»²¹. Да и никаких препятствий к этому не было – на постройку города Потемкину отпускались неограниченные суммы, каменоломни же находились почти в самом городе, а по Днепру привозили лес, железо и другие необходимые материалы.

К 1782 г. в Херсоне проживало 10 тысяч человек, работавших на строительстве крепости, адмиралтейства и верфи. К 1787 г. в «Херсонской части» состояло солдат и матросов 24 561 человек, вольнонаемных строителей – плотников, столяров, кузнецов – 2273. На строительстве Херсона с начала 1785 г. работали более четырех тысяч «колодников» – бывших крепостных, осужденных за побеги и выступления против помещиков.

В 1783 г. в Херсон на строительство кораблей прибыло 800 балтийских моряков под командованием капитана 2-го ранга Ф.Ф. Ушакова.

12 октября 1784 г. 66-пушечный корабль, строившийся моряками Ушакова, был спущен на воду. 24 августа 1785 г. капитан Ушаков привел корабль в Севастополь.

В 1782 г. из Марселя в Херсонский порт пришли два первых европейских судна. В городе коммерческие дома и конторы открыли французские торговые фирмы, а также польская (Заблочко), константинопольская (Фрадинга), австрийская (Фабри) и русская (купца Масленникова). Большую роль в расширении торговых связей Херсона с Францией сыграл барон Антуан. Русский хлеб, пеньку, льняное и конопляное семя, чай и другие товары он отправлял на Корсику, в Ниццу, Геную, Марсель и Барселону. При его посредничестве через Херсон шли товары из Южной Польши.

²¹ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.: Издательство Московского университета, 1996. С. 385.

Екатерина II, приехав в 1787 г. в Херсон, осталась очень довольна всем увиденным – казармой, крепостью, каменными строениями, церковью, адмиралтейством, кораблями и особенно множеством русскоязычного населения.

В 1790 г. в Херсоне вошел в строй пушечный завод, просуществовавший до начала XIX века, когда пушечное производство перевели в город Луганск.

Недостатком Херсона было его расположение в 35 верстах от моря – мели затрудняли проход крупных морских судов.

Яским миром 1791 г. закончилась Русско-турецкая война, и Россия получила Очаковскую область между Бугом и Днестром. Местность там была почти пустынная. До присоединения к России там имелось лишь четыре города – Очаков, Аджибер, Хаджибей и Дубоссары, а также около 150 сел, населенных татарами и молдаванами, и ханские слободы, в которых жили беглые малороссы и великороссы. Но за годы войны большая часть населения разбежалась, так что осталось не более 20 тысяч человек мужского пола.

Екатерина поручила екатеринославскому губернатору Каховскому объехать и изучить область, разделить ее на уезды, наметить места для постройки городов и предоставить обо всем этом план. Затем Каховский должен был отвести земли под казенные слободы и для помещиков по норме, установленной для Екатеринославской губернии, с обязательством заселить эти земли. Также принимались меры для поселения арнаутов, и особое преимущество оказывалось в получении земель молдавскими боярами.

Для приведения в исполнение этих приказаний в 1792 г. была учреждена экспедиция строения южных крепостей, которую и возглавил Каховский. Новые крепости решено было возвести на Днестре напротив Бендер, на Днепровском лимане и у Хаджибейского замка. Так возникли Тирасполь, Овидиополь и Одесса. Из этих городов с самого начала наибольшего развития достигла Одесса.

Императорский указ о постройке купеческой гавани и города Хаджибея (так первоначально называлась Одесса) вышел в 1794 г. Постройку Екатерина II поручила де Рибасу. Первыми поселенцами в Одессе кроме русских стал «греческий дивизион» – выходцы с Архипелага, эвакуированные оттуда после окончания «архипелажной экспедиции» русского флота. Так что на первых порах город получил два форпоста – русский и греческий. К ним присоединились и греки из Крыма, получившие значительные льготы. Они-то и положили начало одесской торговле. Рассчитывая на большие барыши, в Одессе стали селиться как русские купцы, так и еврейские, болгарские, молдавские и даже польские, получившие «открытые листы» на все усадьбы, а с 1803 г. – десятилетнюю льготу от податей, денежные ссуды на обзаведение и т. д. В предместье города Пересыпи поселились черноморские (бывшие запорожские) казаки.

В 1796 г. в Одессе насчитывалось 2349 душ обоего пола, а в 1802 г. – уже 9 тысяч. В последующие же годы Одесса под управлением дюка де Ришелье стала развиваться еще быстрее. Ришелье построил порт, карантин, таможню, театр, госпиталь, достроил церкви, учредил лицей, поощрял частные постройки, которых при его отъезде насчитывалось уже около двух тысяч. Ришелье был страстным садоводом, поэтому он покровительствовал владельцам дач и первым выписал из Италии семена белой акации, хорошо прижившейся на Русском Юге. При Ришелье Одесса стала узлом торговых связей Новороссийского края с приморскими европейскими городами. Торговые обороты города в 1814 г. превысили 20 млн рублей. Расширение торговли и увеличение доходов одесситов вызвали рост потребностей и привели к общему культурному подъему города. Одесса превратилась в бойкий торговый и благоустроенный европейский город.

Но через 200 лет самостийники написали новую историю Одессы. Ее якобы основали «украинские казаки», а злыдни москали лишь мешали их созидательной работе.

Осмотрев Крым, князь Потемкин был поражен нищетой и запустением края. Даже гордость Гиреев – ханский дворец в Бахчисарае – был полуразрушен. В 1783 г. Потемкин прика-

зал генерал-поручику барону Игельштруму «отремонтировать пришедший в запустение ханский дворец», на что в следующем году светлейший выделил 10 тысяч рублей из таможенных доходов.

Следующий капитальный ремонт дворца был произведен в 60-х годах XIX века. Так что если бы сей дворец был постройкой в Западной Европе, то большая часть его стоимости при продаже принадлежала бы русским, а не татарам.

Да и вообще, что татары оставили в Крыму за пять с лишним веков своего правления? Генуэзские крепости в Балаклаве, Судак, Феодосии и других местах, многочисленные пещерные города, Херсонес Таврический, десятки античных памятников созданы греками и римлянами. Это все, увы, не имеет отношения к татарам. А сколько они разрушили за эти же 500 лет?

Потемкин и первый администратор Крыма Каховский начали энергично создавать новый Крым с большими современными городами, портами, заново создавать инфраструктуру полуострова, там ведь не было даже ни одной нормальной дороги.

Ко всему прочему, крымские татары, столь занятые грабежом России и Речи Посполитой, не занимались строительством судов. Все торговые суда, приходившие в Крым, были греческими (в подавляющем большинстве) или турецкими.

Между тем в составе новопостроенного Черноморского флота наряду с боевыми кораблями были многие десятки больших и малых транспортных судов. С конца XVIII века и до Крымской войны транспортные суда Черноморского флота перевозили куда больше гражданских грузов, чем чисто военных. Они доставляли переселенцам различные материалы для строительства городов, крепостей, верфей и фабрик.

В начале 80-х годов XVIII века параллельно со строительством военного флота в Херсоне приступили к строительству коммерческих судов. К концу XVIII века коммерческие суда строились и в Николаеве, и в Севастополе.

В 1796 г. в черноморско-азовские порты зашло 471 транспортное судно, из которых 164 были под российским флагом, 276 судов турецких и 31 судно под австрийским флагом. Французских судов не было, так как Россия находилась в состоянии войны с Французской республикой. Для того времени это был огромный товарооборот.

В начале XIX века из Москвы в Крым обычно ездили Волгой до Царицына, Доном до Ростова, Азовским морем до Керчи.

В 1826 г. была построена дорога от Симферополя до Алушты, в 1837 г. эта дорога была продолжена до Ялты, а в 1848 г. – до Севастополя. В 1848 г. на границе Южного берега Крыма и северного склона Крымских гор были сооружены Байдарские ворота.

К середине XIX века в Крыму работало двадцать суконных фабрик, значительно увеличилось производство зерна и табака. В первой половине XIX века на полуострове ежегодно добывалось от 5 до 15 млн пудов соли, которую вывозили как в центральные губернии России, так и за границу. Ежегодно вывозилось до 12 млн пудов красной рыбы.

К 1828 г. в Крыму насчитывалось 64 предприятия обрабатывающей промышленности, а к 1849 г. их стало уже 114.

Глава 5

Основание Севастополя

В апреле 1783 г. капитан 2-го ранга И.М. Берсеньев на фрегате «Осторожный» осмотрел Ахтиарскую бухту и предложил создать там военноморскую базу. 2 мая 1783 г. в Ахтиарскую бухту вошли пять фрегатов и восемь малых судов Азовской флотилии под командованием вице-адмирала Клокачева.

Сразу же на берегах Ахтиарской бухты началось строительство офицерских домов, казарм для матросов и солдат. В августе была освящена первая небольшая каменная церковь.

Было создано несколько новых береговых батарей, а построенные в 1778 г. Суворовым редуты были значительно усилены.

10 февраля 1784 г. последовал рескрипт Екатерины II: «Нашему Генерал-фельдмаршалу, военной коллегии президенту, Екатеринославскому и Таврическому генерал-губернатору князю Потемкину... с распространением границ Империи Всероссийской необходимо. и обеспечение оных, назнача по удобствам новые крепости. Крепость большую Севастополь, где ныне Ахтиар и где должны быть Адмиралтейство, верфь для первого ранга кораблей, порт и военное селение...»

Севастополь быстро строился. В Артиллерийской бухте построили пристань и склады. Вокруг южной оконечности Южной бухты возник поселок купцов и ремесленников. В Крым и в Севастополь Потемкин привлекал все категории переселенцев – иностранцев, беглых крестьян, старообрядцев и т. д. Вспомним, что в те времена крестьяне не имели права покидать своих помещиков, а дворяне вовсе не жаждали ехать в Крым, даже если Потемкин бесплатно раздавал там пустующие земли.

22 мая 1787 г., завершая свое знаменитое путешествие, Екатерина II прибывает в Севастополь. Специально для нее в Инкермане на возвышенности, откуда хорошо просматривается Севастопольская бухта, Потемкин приказал возвести дворец. Екатерина вместе со свитой, куда входили знаменитый европейские аристократы и несколько послов, прибыла в Инкерман ночью, и до обеда никто не видел Севастопольской бухты.

Во время торжественного обеда по знаку Потемкина упал большой занавес, и императрица, и все присутствующие увидели эскадру в составе трех кораблей, двенадцати фрегатов, трех бомбардирских и двадцати малых судов. Громыкнул салют из сотен орудий. Восхищенная Екатерина провозгласила тост за здоровье Черноморского флота.

За два года до этого, 10 августа 1785 г., Потемкин направил императрице донесение, в основу которого лег документ, подготовленный инженером Корсаковым, – «Краткая идея об укреплении Севастопольского пристанища». В документе определялись три главные задачи: первая – «чтобы устье Севастопольского пристанища защитить сильным огнем и в то же время закрыть от огня противника прилегающие к нему заливы; вторая – стенами сего укрепления оградить морские магазины, доки для строения и починки кораблей; третья – сие место должно быть столь сильно укреплено, что хоть неприятель и высадит на берег превосходящие силы, облечь крепость с земли и с моря, чтобы она была в состоянии его нападением противиться, доколе из других пределов России не прибудет помощь».

По проекту планировалось строительство каменной плотины на южном и северном мысах длиной до 150 сажень (320 м) и на конце каждой «замок о двух рядах пушек, чтобы нижними очищать морскую поверхность, а верхними вредить неприятелю на дальнем расстоянии...» После окончания работ расстояние между двумя мысами для прохода в бухту будет всего 300 сажень (640 м). На плотине предполагалась установка «святильника» (маяка).

Екатерина II проект утвердила, особо отметив роль Севастополя и необходимость превращения его в «крепость чрезвычайной силы».

В 1786 г. императрица одобрила добавление к проекту, предусматривающее укрепление береговой обороны не только главной севастопольской бухты, но и большинства смежных с ней бухт. Проект включал в периметр крепости почти весь Херсонесский полуостров. Планировалось построить: «первую северную батарею» на 28 орудий на Константиновском мысу и «вторую северную батарею» на 10 орудий на втором мысу от Константиновского мыса, а также «первую южную батарею» на 24 орудия на мысу между Карантинной и Песочной бухтами и еще три батареи, вооруженные 28 орудиями, на побережье между Артиллерийской и Южной бухтами.

Все эти батареи должны быть сомкнутыми, неправильной формы, временными, с одеждами из плетней и туров. На северных батареях и «первой южной» проектировалась двухъярусная оборона. По предварительным подсчетам сумма проекта превышала 6 млн рублей.

В 1792 г. была учреждена Экспедиция строения южных крепостей, в ведомстве которой находились крепости Кинбурн, Очаков, Симферополь, Феодосия, Севастополь и др. Указом Екатерины II от 10 ноября 1792 г. экспедицию возглавил граф А.В. Суворов, который был назначен командующим войсками, расквартированными в Екатеринославской губернии, Таврической области, в том числе и в Крыму.

В начале 1793 г. генерал прибыл в свою штаб-квартиру в Херсоне и начал знакомиться с составленными до его приезда проектами. В феврале 1793 г. Суворов посетил Севастополь, осмотрел крепость и проверил состояние инженерных работ.

По указанию Суворова его заместитель инженер-подполковник Ф.П. де Волан разрабатывает новый план строительства севастопольских укреплений. Причем стоимость их резко снижена с 6 миллионов до 231 752 рублей.

Согласно этому проекту намечалось строительство пяти береговых фортов с ярусами и казематами, имевшими в горже сухой ров. Их планировалось построить на мысах, выступающих в Севастопольскую бухту. Это были «северный форт» – Константиновский – в форме неправильного шестиугольника с каменными одеждами и напротив, на южной стороне, «южный форт» – Александровский – в виде круглой каменной башни. Далее, на Северной стороне, на мысу за Константиновской батареей, еще одна, похожая на последнюю, батарея с земляной горжей. Напротив, на западном мысу, у входа в Артиллерийскую бухту, – открытая двухъярусная батарея с бастионным фронтом в горже.

Между Артиллерийской и Южной бухтами на мысу предполагалось построить форт «Николай», на котором планировалось сосредоточить морские запасные и пороховые магазины, морской и крепостной арсеналы.

Кроме этих береговых укреплений, авторы проекта доказывали необходимость строительства усиленных сухопутных фортов на возвышенных местах Южной и Северной сторон Севастопольской бухты. Это были южный форт «Екатерина» в тылу батареи «Николай» и северный форт «Елизавета» в тылу форта «Константин» на Северной стороне.

На вооружение всех перечисленных укреплений предполагалось поставить 270 орудий, в том числе на береговые батареи – 152 орудия, а на сухопутные – 118.

По приказу Суворова предварительные работы в крепости были начаты в апреле 1793 г., еще до Высочайшего утверждения.

Ко времени смерти Екатерины (1796 г.) в Севастополе было построено 8 береговых батарей: Константиновская, Александровская, Николаевская, Павловская, а также батареи № 1, 2, 4 и 5, расположенные на мысах тех же названий. Это были земляные временные укрепления, большей частью открытые, состоящие из двух или трех фасов, изломанных по направлению берега. Батареи № 2 и № 3 на северном берегу и Николаевская батарея на южном берегу были в виде редутов.

На возвышении за Константиновской батареей находилось довольно обширное земляное укрепление неправильной формы для охраны батарей «Константин» и № 1.

Так возник город русской славы Севастополь.

Глава 6

Поражение в Крымской войне и фиаско «бумажного» канцлера

14 декабря 1825 г. стало роковой датой для русской армии и флота. И дело не в пяти повешенных и нескольких сотнях сосланных в Сибирь и отставленных со службы лучших офицеров России. Гораздо хуже то, что Николай I и его наследники отучили офицеров думать и превратили офицерский корпус в «цепных псов самодержавия». Династии Голштейн-Готторпов-Романовых не нужны были Орловы, Потемкины, Суворовы и Ермоловы. Их заменили господа Вронские. Помните персонажа из «Анны Карениной». Умный породистый офицер. Круг интересов – фрунтовая муштра, скачки, карты, балы, интрижки с великосветскими дамами и балеринами. Прикажут ему изучить берданку или пулемет Максима – изучит досконально. Не прикажут – никогда не поинтересуется. Такие по ночам не читали Руссо и Кодекса Юстиниана и не писали в 16 лет трактаты по баллистике. Анна бросается под поезд, а Алексей едет на войну с турками. В 1878 г. он вернется полковником. В 1905 г. он положит дивизию под Мукденом, а в 1914 г. – корпус под Таннебергом.

Результат кадровой политики русских царей – разруха в головах наших генералов, что сказалось уже во время Крымской войны. В феврале 1853 г. император Николай I предъявил Турции умеренные и достаточно разумные требования, касавшиеся положения православной церкви в Палестине и Сирии. При этом вопрос о статусе Проливов русской стороной не поднимался.

Однако Турцию поддержали Англия и Франция, начав военные действия против России. Ход войны хорошо известен читателям, а интересующихся деталями я отсылаю к моим книгам «Трагедия Севастопольской крепости» (М.: Яуза, Эксмо, 2005); «Четыре трагедии Крыма» (М.: Вече, 2006); «Черноморский флот в трех войнах и трех революциях» (М.: АСТ, 2007).

Практически все русские и советские историки объясняли поражение России в войне технической отсталостью как русской промышленности, так и армии, и флота. С этим утверждением я полностью согласен, но считаю техническую отсталость не первым, а вторым фактором, определившим поражение России в Крымской войне. Все решила «разруха в головах» наших генералов и адмиралов.

Кто, например, мешал еще в марте – апреле 1853 г. провести внезапный десант в Босфор и захватить если не Стамбул, то хотя бы половину пролива и установить там береговые батареи. Пока Англия и Франция прособирались бы (союзный флот вошел в Черное море лишь 22 декабря 1853 г. (3 января 1854 г.)), русские сумели бы построить сильную крепость на берегах Босфора и удерживать ее как минимум несколько месяцев.

И в 1854 г., и позже морские офицеры и историки спорили, мог ли Черноморский флот противодействовать высадке союзников в Крыму. Элементарный расчет огневой мощи союзного и русского флота, а также возможности маневрирования союзных паровых кораблей и фрегатов показывают, что шансы русских на победу в генеральном сражении «а ля Трафальгар» были равны нулю.

И вот наши храбрые адмиралы провели эти несложные расчеты и решили: драться нельзя, надо самим топиться с горя. Ну а что если отступить от шаблона и от заученных наставлений? Сразу оговорюсь, что не следовало изобретать что-то новое, надо было действовать тем, что имелось под рукой.

Всего через 7 лет после описываемых событий, в 1861 г., начнется Гражданская война в США. Там обе стороны станут применять самые разнообразные способы войны на море.

В ход пойдут и брандеры, и таран, и шестовые мины, подводные минные заграждения, казематные и башенные броненосцы, железнодорожные артиллерийские установки и даже подводные лодки. Никаких особых изобретений, необходимых для создания и использования этих типов вооружений, делать в 1855–1861 гг. не надо было. Так, например, брандеры новгородцы использовали против шведских судов еще в 1300 г. на Неве, а в 1770 г. граф Орлов с помощью брандеров сжег при Чесме превосходящие силы турецкого флота. Но вот Орловых-то в 1854 г. в России и не оказалось.

Неужели нельзя было из 21 малого парохода, находившихся в составе Черноморского флота, сформировать несколько штурмовых флотилий? Можно было мобилизовать еще как минимум два десятка речных пароходов, принадлежавших различным гражданским ведомствам и частным лицам. Эти пароходы плавали ранее в Азовском море, по Днепру и Дону.

Спору нет, речные пароходы были неспособны нести регулярную службу на Черном море. Но от них требовалось совершить один или два рейса, чтобы быть использованными в качестве брандеров или носителей шестовых мин.

Русские колесные пароходы если и уступали в скорости хода, то совсем немного союзным винтовым кораблям и фрегатам, не говоря уж о больших колесных пароходах. Зато они были маневреннее больших пароходов.

В 1854 г. не было мелкокалиберных скорострельных орудий (они появятся только через 15–20 лет), а пушки больших и средних калибров имели малую скорострельность. Эти орудия были рассчитаны на линейный бой с неподвижным или малоподвижным кораблем противника и в подавляющем большинстве своем не имели поворотных устройств. Таким образом, в ночном бою малые пароходы, используемые в качестве брандеров и носителей шестовых мин, были малоуязвимы от огня артиллерии противника. Вспомним, что в 1877–1878 гг. ни одна русская миноноска не была потоплена артиллерийским огнем турецкого корабля, причем не только в ночных, но и в дневных атаках.

Защиту команд малых пароходов от ружейного огня организовать было проще простого. Для этого годилось все – от мешков с песком до железных щитов. Разумеется, был риск потерять несколько пароходов и несколько десятков человек из их команд.

Однако потопление хотя бы десятка транспортных судов с десантом в ходе ночной атаки брандеров и судов с шестовыми минами гарантированно сорвало бы вторжение союзников в Крым.

Внезапность операции штурмовых флотилий можно было бы обеспечить элементарной дезинформацией. Так, сбор большого числа малых, в том числе и речных, пароходов можно было объяснить необходимостью буксировки парусных кораблей, фрегатов и корветов Черноморского флота к месту боя и в самом бою. Такой прием использовали союзники при бомбардировке Севастополя, да и до войны во всех флотах Европы практиковалась буксировка малыми пароходами больших военных парусных судов.

Любопытный момент: 18 марта 1854 г. вице-адмирал Корнилов издал подробную инструкцию командирам судов Черноморского флота на случай появления союзного флота у Севастополя. Из восьми страниц инструкции три посвящены действиям брандеров! «Ах! Какой прозорливый адмирал! – воскликнет квасной патриот. – А Широкоград еще говорит, что у нас не было Орловых!»

Увы, Корнилов подробно расписывал возможные действия союзных (!) брандеров против Черноморского флота. В инструкции Корнилов вспоминал успешные действия брандеров при Чесме, на Баскском рейде в 1809 г., но ему даже не пришло в голову самому атаковать врага брандерами, тараном и шестовыми минами. Уж лучше всем героически затопиться на Севастопольском рейде! Глядишь, и вице-адмиралу, и затопленным кораблям памятники красивые поставят.

Итак, ночной атаки не было, и 31 августа 1854 г. армада союзных кораблей подошла к Евпатории, а на следующий день началась высадка десанта.

Возникает вопрос: с момента входа союзного флота в Черное море прошло 8 месяцев, и что было сделано для противодесантной обороны района Евпатории?

Неужели не было ясно, где могли высадиться союзники? Может, князь думал, что они полезут по горным дорогам и тропинкам в Балаклаве, Алушке, Ялте или Судак? Было только два удобных места высадки столь крупного десанта – район Евпатории и район Керчи. Но Керчь слишком удалена от Севастополя. Поэтому был лишь один десантоопасный район, и именно там нужно было строить укрепления и там попытаться задержать врага. Ну а если бы союзники прорвали оборону наших войск? Вопрос первый – куда бы они пошли? К Северной стороне Севастополя, чтобы взять город с ходу? Это надо быть сумасшедшим. Северная сторона еще до войны была относительно хорошо укреплена, взять ее с ходу было нереально. Нужна длительная осада, а как прикажете в этом случае снабжать огромную армию? Из Евпатории? Так она слишком далека от Севастополя, а главное, там нет защищенной от бурь стоянки кораблей, тем более для огромного флота.

У союзников был единственный вариант маршрута – пройти вдоль побережья к Инкерману, а затем расположиться южнее Севастополя, получив таким образом вполне приемлемые места базирования для флота – Балаклаву и Камышовую бухту. И тут-то у Меншикова оказалось меньше ума, чем у неграмотных татарских беев во времена Миниха. Вспомним, почему тогда русская армия без сражений была вынуждена покинуть Крым с большими потерями? Правильно! Потому что татары оставляли русским выжженную землю. Неужто Меншиков за 6 месяцев не мог подготовить к взрыву мосты и крупные каменные здания. Все жители в районе Балаклав подлежали выселению, домашний скот следовало забить и бросить в водоемы. Особых сложностей это не представляло, так как Южный берег Крыма был очень мало заселен. К примеру, в Ялте насчитывалось всего 86 душ обоего пола! На «выжженной земле» союзников неминуемо ждала бы судьба наполеоновской армии в 1812 г.

Но, увы, светлейший князь Меншиков был слишком галантным кавалером. Он дал возможность союзникам захватить в Евпатории 12 тысяч кубометров зерна, которые еще до войны были собраны для вывоза за рубеж. Этого зерна хватило союзникам на 4 месяца. Англо-французы высадились почти без обоза, зато в Евпатории они получили от татар все, что им требовалось.

Вот что писал о высадке в Евпатории британский историк Кристофер Хибберт: «Транспорта не было. Не было даже медицинских повозок, которые, как считалось, слишком хрупки для крымских дорог... Оказалось, что труднее переправить на берег одну лошадь, чем сотню пехотинцев. Офицеры с трудом сдерживали эмоции, глядя на то, как испуганных стреноженных животных укладывают в шлюпки, где они дрожат и фыркают от ужаса. Иногда шлюпка переворачивалась, и лошадь оказывалась в море. Поэтому вглубь полуострова были направлены специальные команды, задачей которых было найти и доставить в лагерь повозки и тягловых животных, а также все, что могло быть использовано в качестве транспорта»²².

Но тут им помогли татары. Только англичане получили 350 повозок с возницами и даже 67 верблюдов. Татары привезли 45 повозок домашней птицы, а также свыше 1000 голов скота. Не хуже дела были и у французов. «Вскоре привычной картиной в расположении французских войск стали верблюды, груженные зерном, и телеги, полные овощей. Кавалеристы пиками подгоняли к лагерю сотни овец и коров, оглашающих окрестности блеянием и мычанием»²³.

Авторские комментарии к вышесказанному, думаю, излишни.

²² Хибберт К. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М.: Центрполиграф, 2004. С. 53, 56.

²³ Там же. С. 56.

Итоги Крымской войны были подведены в феврале 1856 г. на Парижском мирном конгрессе. Самыми оскорбительными для России пунктами Парижского мира было запрещение России иметь военный флот на Черном море и разоружение Севастополя. Согласно условиям специальной конвенции, Россия и Турция на Черном море могли иметь по 6 паровых судов длиной до 50 м по ватерлинии и водоизмещением до 800 тонн и по 4 легких паровых или парусных судна водоизмещением до 200 тонн.

Русское общество от сановников до либералов было возмущено статьями Парижского мира. Спрос, как известно, порождает предложение. И вот в России явился мессия – князь Александр Михайлович Горчаков, блестящий дипломат и одноклассник Пушкина по лицу. Он пообещал дипломатическими мерами уговорить Францию отменить статьи Парижского мира, касающиеся строительства русского флота на Черном море.

В конторе, то есть в МИДе, закрипели перья, и по всей Европе полетели депеши, ноты, циркуляры. Увы, они вызывали лишь саркастические улыбки императора Наполеона III и королевы Виктории. А наши генералы и адмиралы открыли рты и терпеливо ждали, пока им «железный канцлер» поднесет разрешение на строительство флота.

Между тем статьи Парижского мира носили исключительно декларативный характер. В них и речи не было о каких-либо санкциях против России в случае строительства флота. Не предусматривалось даже никакого контроля.

В договоре ничего не говорилось о расширении портов в Одессе и Севастополе и о прокладке туда железных дорог.

В 1854–1855 гг. Россия потеряла на Черном море не флот, а армаду никому не нужной деревянной рухляди, за что союзникам следовало бы сказать только спасибо. Такая же рухлядь еще 15 лет гнила в Кронштадте, а содержание ее обходилось в несколько миллионов рублей в год.

С 1856 г. все ведущие морские державы приступили к строительству нового парового и броненосного флота, вооруженного артиллерией принципиально иного типа²⁴.

Кто мешал Александру II построить на Черном море десяток-два быстроходных грузо-пассажирских судов водоизмещением 5—15 тыс. тонн? На кораблях можно было бы установить броневые пояса и палубы, защиту машин угольными ямами, разместить под палубой установочные части станков тяжелых орудий, системы подачи боеприпасов, обеспечить необходимую живучесть и т. д.

Все вышесказанное не противоречило ни одной статье Парижского мира. А пушки калибра 9—11 дюймов можно было складировать в нескольких верстах от Одессы и Севастополя, опять же, не нарушая договор. Поставить пушки на корабли при наличии портовых кранов можно за сутки!

Железный канцлер Бисмарк в частных беседах советовал нашему «бумажному канцлеру»: «Чего вы так суетитесь, Александр Михайлович, лучше стройте потихоньку флот!» К этому стоит добавить, что после 1856 г. в Европе произошла серия войн за передел границ образца 1815 г., и никому не было дела до появления русских боевых кораблей на Черном море. Во всяком случае воевать по сему поводу было некому.

Не пора ли нашим историкам честно сказать, что не знаменитый циркуляр Горчакова в 1870 г. отменил статьи Парижского мира, а разгром Франции, устроенный тем же Бисмарком.

Но вот Россия лишилась оков Парижского мира, Тютчев и иные поэты стали писать оды Горчакову. Аплодисменты «бумажному канцлеру» раздавались и слева, и справа. А на Черном море у России не было ни одного полноценного боевого корабля. Не было и верфей, пригодных для постройки современных судов. Не были даже подведены железные дороги к нашим

²⁴ Речь идет о гладкоствольных орудиях калибра 8—20 дюймов, т. е. 203–506 мм, и нарезных пушках самых разных систем.

основным портам. Так, к примеру, железная дорога Москва – Лозовая – Севастополь вошла в строй лишь в 1875 г., да и то до 1880 г. ее пропускная способность оставалась крайне низкой.

Лишь 14 июня 1883 г. в Николаеве был заложен первый полноценный боевой корабль – броненосец «Екатерина II». В строй он вступил в 1888 (!) г., то есть спустя 32 года после заключения Парижского мира и через 18 лет после знаменитой депеши Горчакова – фактической денонсации оногo мира.

И вот сейчас, в XXI веке, в здании МИДа на Смоленской площади висят портреты Александра Михайловича Горчакова. Того самого, кто заставлял Александра II продать Аляску, устраивал царю истерики по поводу продвижения наших генералов в Средней Азии. Ну а в январе 1878 г. именно Горчаков настоял на остановке русских войск в 8 км от стен Царьграда. А вдруг королева Виктория обидится?

Престарелый канцлер явно выжил из ума. 1878 год – не 1856-й. Самую сильную в военном отношении европейскую державу – Германскую империю – в первую очередь интересовали не Проливы, а наказание реваншистов во Франции. Так что Париж не посмел бы и пикнуть, если бы генерал Скобелев занял Константинополь. А пикнул бы, Петербургу достаточно было сказать «Фас!», и через две недели германские гренадеры маршировали бы по Елисейским Полям. Ну а «владычица морей» никогда в одиночку не осмелилась бы воевать с Россией. Весь XIX век излюбленной темой европейских карикатуристов был «поединок Льва и Кита».

А, может быть, дяди со Смоленской площади правы? Ведь «по части иностранных дел» Горчаков превзошел даже ельцинского министра Андрея Владимировича Козырева.

Глава 7

Ливадия – вторая столица империи

Да, да! Ливадия свыше 30 лет была второй столицей Российской империи. Ну а первой был Санкт-Петербург? Нет! Целых 36 лет Александр III и Николай II не жили в собственной столице. Но начнем по порядку.

В 1860 г. император Николай I приобрел у графов Потоцких чудесное и хорошо оборудованное имение Ливадия в Крыму.

В августе 1861 г. Александр II с женой и младшими детьми Марией, Павлом и Сергеем впервые приехали в Ливадию. Железных дорог тогда не было. Ехали на лошадях по извилистым крымским дорогам, часто останавливались на почтовых станциях и 24 августа прибыли в Севастополь. Ну а далее через перевал Байдарские ворота высочайшее семейство отправилось в Ялту.

Ялту в то время даже трудно назвать городом. Однако порт там был построен еще в 1833–1837 гг. К 1861 г. в Ялте проживало всего 927 человек, имелось всего 72 дома, которые расположились на трех узких улицах. Перед приездом августейшей четы в городе установили телеграфную станцию, почистили и увеличили городскую пристань, разбили небольшой бульвар вдоль набережной, укрепили дорогу в Ливадию, побелили дома.

Естественно, дорога через Байдарские ворота хотя и была коротка – царское семейство добралось из Севастополя в Ливадию за несколько часов, – но не совсем удовлетворяла требованиям охраны. И обратно в Севастополь с семьей 12 октября уже отправились на колесной яхте «Тигр». Эта яхта была построена в 1855 г. в Николаеве. Ее водоизмещение 2000 т, а машина трофейная, снята с затонувшего в 1854 г. у Одессы английского парохода-фрегата «Тигр».

Александр II в Ливадии понравилось, и по его приказу придворный архитектор И.А. Монагетти отправился туда для проведения реконструкции дворца Поточных и возведения новых строений. Работы начались весной 1862 г. и за 4 года там было возведено около 70 построек, включая церковь и малый дворец.

По ряду причин следующий визит Александра II в Ливадию состоялся лишь 16 июня 1867 г. Царское семейство прибыло на яхте «Тигр». Через несколько недель царя в Ливадии посетила группа американских журналистов, среди которых был Самюэль Клеменс, в будущем известный писатель Марк Твен.

В следующий раз царская семья приехала отдыхать в Ливадию в 1869 г. В этот раз с ними был и наследник Александр Александрович, которому так понравился Малый дворец, что, даже будучи императором, он продолжал жить в нем.

Александр II стал посещать Ливадию почти каждое лето и осень. В Ливадию вместе с царем стали приезжать ведущие министры. Именно в Ливадии 12 октября 1876 г., на совещании высших военных чинов и дипломатов, Александр II принял решение начать войну с Турцией.

Лето и осень 1879 г. Александр II опять провел в Ливадии вместе с царицей Марией Александровной и министрами. Но впервые в Крым вместе с ними приехала и вторая жена царя Катерина Долгорукова. Жила она пока не в Ливадийском дворце, а в расположенной недалеко татарской деревушке Биюк-Сарай.

В ночь на 22 мая 1880 г. в Зимнем умирает императрица Мария Александровна, а 6 июля Александр II тайно вступает в брак с Екатериной Долгоруковой. В конце августа 1880 г. молодожены прибывают в Ливадию.

1 декабря 1880 г. Александр II и Екатерина собрались в обратный путь. «По дороге на Севастополь Александр приказал остановить экипаж у Байдарских ворот. Оттуда открывался чудесный вид на Черное море, голубоватые вершины Яйлы. Небо было чистым, и последний день здесь был сказочно прелестен.

Очарованный открывшимся перед ним видом Император приказал накрыть стол на воздухе... Прислуживал единственный слуга. Обед прошел весело и оживленно, и счастье сияло на всех лицах»²⁵. Это был последний приезд Александра II в Крым.

С 1879 г. революционеры начинают настоящую охоту на царя. И вот 1 марта 1881 г. в результате восьмого (!) покушения Александр II был смертельно ранен осколками бомбы, брошенной в него народолюбцами на Екатерининском канале в Петербурге.

Народники, а позже марксист № 1 Георгий Плеханов еще в 1879 г. предсказали Желябову: «Вы добьетесь только того, что вместо Александра с двумя палочками будет Александр с тремя палочками».

С детства нас учили, как студент Володя Ульянов, узнав о казни своего брата Александра, изрек: «Мы пойдем другим путем». То есть путь «Народной воли» был заведомо неверным. Нужна была, мол, пролетарская партия с великим вождем во главе.

Но вот настали иные времена, а большевистская оценка теорий «Народной воли» осталась без изменений, разве что добавилось личных оскорблений в адрес конкретных народолюбцев.

Надежды народолюбцев на подрыв основ монархии посредством убийства царя не оправдалась. Не вспыхнуло никаких народных восстаний, так как простому народу были чужды идеи «Народной воли». Народолюбцев покинуло и большинство ранее им сочувствовавшей интеллигенции. Взошедший на престол новый император Александр III напрочь отказался от всех либеральных начинаний своего отца, вернув Российскую империю к полному самодержавию.

«Шанс политической модернизации России был упущен» «Цареубийство оказалось пирровой победой народолюбцев. Либералы, на поддержку которых они рассчитывали, отшатнулись от партии» и т. д. Ну а наши либералы вместе с монархистами именуют Желябова и Перовскую «всякой нечистью», устроившей «кровавую оргию».

Говорить о морали и нравственности с либералами и монархистами бессмысленно.

Рассмотрим лучше конкретные результаты царской «охоты». Ну, повесили человек 40, свыше 10 тысяч были посажены в тюрьмы, отправлены в Сибирь и т. д.

А теперь обратимся к другой стороне медали. Новый царь и его сановники испугались: Зимний дворец немедленно стали окапывать – искали провода, подведенные к минам внутри дворца. Нашли один кабель, но он оказался от старого телеграфа времен Николая I.

А в высшем свете распространились слухи, будто готовится десант матросов из Кронштадта, которые-де возведут на престол генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича. Князь якобы связан с «Народной волей». Александр III оперативно уволил своего дядю со всех постов.

3 марта 1881 г. председатель Кабинета министров П.А. Валуев предложил Александру III назначить регента на тот случай, если его тоже убьют. Старшему сыну царя Николаю было всего 12 лет. Александр возмутился этим предложением и отказался, но 14 марта все же назначил регентом своего брата великого князя Владимира Александровича, а сам 27 марта бежал, иначе не скажешь, вместе с семьей из Аничкова дворца в Гатчину на ПМЖ. И студенты, и сановники по сему поводу стали величать царя «гатчинским пленником революции».

К сожалению, главного результата террора «Народной воли» до сих пор не заметил ни один историк. Террористы существенно ограничили свободу передвижения двух последних царей, затруднив их общение даже с сановниками, не говоря уж о народе. То, что народ не знал

²⁵ Литвинова Е.М. Царская семья в Крыму. Симферополь: ООО «Рубин-Плюс», «Амазонка-Крым», 2011. С. 113–114.

адресов террористов, это понятно, но когда ни народ, ни большинство генералов, губернаторов и сановников не знали, где находится император – не имело аналогов ни в Российской империи, ни в государствах Европы за последние полтора тысячелетия.

Без преувеличения можно сказать, что «Народная воля» выселила династию Романовых из собственной столицы. Ни Александр III, ни Николай II больше не жили в Петербурге, хотя для них в Зимнем дворце и были подготовлены хорошо охраняемые апартаменты. Оба императора периодически прибывали на несколько часов в столицу, принимали участие в официальных церемониях и... уезжали ночевать в свои загородные резиденции, хотя над Зимним дворцом продолжал реять императорский штандарт. «Царь всегда на своем месте».

В России формально вся система управления была зациклена на царе. Нет, нет, я не преувеличиваю.

Чтобы читатель представил себе разграничение полномочий властей, приведу примеры деяний Николая II в мае 1895 г.: «15 мая Его Величество Император соизволил дать свое согласие на создание в больницах города Нижний Новгород четырех коек, предоставляемых старикам, на сумму 6300 рублей, пожертвованных вдовой генерала Д. г-жой Катериной Д. В тот же день Его Величество дал свое согласие на создание стипендии в Первой Казанской гимназии на сумму 5 тысяч рублей, пожертвованных вдовой дворецкого советника, а также стипендии 300 рублей за счет выручки, получаемой этим городом».

Выбрали граждане уездного городишки своим почетным гражданином купца Пупкина, но окончательно утвердить Пупкина в оном звании мог только император после того, как выслушает представление министра внутренних дел.

Захотел, скажем, деревенский сход или местный помещик поставить в деревне или в имении церковь – на утверждение надо посылать план постройки в Петербург на усмотрение высших сфер.

Кто-то возразит мне, мол, и сейчас президент читает письма ветерана войны, который живет в ветхом жилье, и выдает гневную филиппику по адресу нерадивых чиновников. Но и что? У российского и у американского президента огромный секретариат, в котором заняты сотни людей, и о содержании 99,9 % писем президенты и не догадываются. А отбор писем, на которые должен быть президентский ответ, производят те же секретари, они же пишут филиппики, которые и читаются с монитора перед телекамерами. У Николая же за все время его царствования ни разу не было личного секретаря, и заниматься всей этой бумажной работой, включая ответы на поздравления, иной раз приходившие десятками в день, приходилось ему самому.

Система управления Российской империей была сложна и запутанна. Формально существовал Комитет министров, который возглавлялся самим царем. Однако это был не управленческий, а скорее законодательный орган. Кроме того, с 1861 по 1882 г. существовал и Совет министров, который тоже должен был возглавлять сам царь. С декабря 1882 г. Совет министров более не собирался.

Совет министров был возрожден царским указом от 19 октября 1905 г. Тогда же был учрежден и пост председателя Совета министров.

Однако ни председатель Комитета министров, ни все министры вместе не могли повлиять на своего коллегу министра. Каждый министр имел право непосредственного доклада царю и отчитывался только перед царем. Такая система была терпима в XVIII – начале XIX века, когда сильный монарх, имея советников уровня Панина, Потемкина, Безбородко, Сперанского и других, мог непосредственно управлять министрами. К началу XX века только объем информации, доставляемой царю, возрос во много раз. Как едко писал в 1895 г. Лев Толстой: «...в Кокандском ханстве все дела можно было рассмотреть в одно утро, а в России в наше время для того, чтобы управлять государством, нужны десятки тысяч ежедневных решений».

Любопытно, что у Николая II не было никакого аппарата (секретариата), который бы обрабатывал, уточнял, проверял отчеты министров или иных чиновников.

Представьте, какую беду несли стране «царские пряталки». Каково быть министром? Ведь на дорогу в Гатчину, Петергоф или Царское Село они тратили минимум три часа в один конец. Чтобы сделать 15-минутный доклад царю в Петербурге, министр терял максимум час времени, даже если он шел пешком из министерства в Зимний дворец. А на аналогичный же доклад в Царском Селе уходил весь день.

Таким образом, решение даже самых срочных вопросов откладывалось на 8 часов, и то, если министерство продолжало работать и ночью. Ну а если царская яхта вояжировала в Финских шхерах, то тогда министр ехал в Кронштадт, там садился на миноносец, который отправлялся на поиски царской флотилии. Так, в июле 1906 г. премьер-министр С.Ю. Витте на эсминце «Пограничник» прибыл к месту стоянки царской яхты «Штандарт» на рейде Бьёркё. Увы, царя на борту яхты не оказалось, он отправился на охоту на конвоире царских яхт «Разведчик». О подходе «Пограничника» царю доложили только после чая: «Голубые глаза императора мгновенно потухли.

– Разве мы ждали? Пошлите сказать, что я приму ровно в семь, – и переменившейся и усталой походкой государь ушел к себе вниз.

– Что вы пошлете за ним? – спросил Чагина Нилов.

– Придется царский катер, потому что маленький на берегу.

– Вот еще... Царский катер... Довольно и маленький...»²⁶

Так издевались над премьер-министром великой империи командир яхты и вахтенный офицер.

Доклад проходил долго, целых 55 минут, после чего состоялся обед, а затем «Пограничник» снялся с якоря. Граф потерял ради 55-минутного доклада около трех суток.

Но, увы, Николай II не думал ни об удобствах министров, ни о скорости выполнения собственных приказов. Свои удобства были важнее. А министры – это просто холопы со «скотского хутора»²⁷.

Ну а если Александр III или Николай II жили в Ливадии, то в Ялту на несколько недель или даже месяцев отправлялись ведущие министры империи.

Между тем бегство от террористов в отдаленные дворцы или на яхты постепенно стало нравиться царям. Прогулки на природе, свежий воздух, тишина, спокойствие куда полезней, чем петербургский смог. Да и вообще. Представьте себе, что царь бы стал охотиться на ворон или гоняться за кошками с ружьем по Дворцовой площади или Летнему саду. Обыватели бы от хохота падали, а тут еще интуисты с фотоаппаратами набежали бы. В Ливадии или Царском Селе оно все-таки спокойнее.

Александр III в качестве монарха впервые приехал в Ливадию осенью 1884 г. С приездом императора охрана дворца была резко усилена. Резиденцию одновременно охраняли три роты солдат: от Эриванского, Кабардинского и Виленского полков. Периодически роты сменялись, все три полка дислоцировались поблизости. Казалось бы, проще отправить на охрану какой-нибудь один полк, а потом сменить его другим. Отнюдь! А вдруг офицеры одного полка сговорятся.

В 1892 г. Александр III распорядился о строительстве еще одного царского дворца в Крыму – в Массандре, примерно в 8 верстах от Ливадии. Строительство дворца было остановлено со смертью Александра III, но Николай II приказал его достроить во что бы то ни стало. Роскошный трехэтажный дворец напоминает рыцарский замок. Он предназначался не для торжественных приемов, а для повседневной жизни монархов.

²⁶ *Саблин Н.* Десять лет на императорской яхте «Штандарт». СПб.: Petronivis, 2008. С. 66.

²⁷ «Скотский хутор» – фантастический роман Оруэлла.

Увы, в столь роскошном Массандровском дворце... никто не жил. Николай II эпизодически использовал его как охотничий домик, то есть царь с компанией приезжал поохотиться в горы, а затем несколько часов отдыхал в Массандровском дворце. Ну а ночевать хозяева и гости уезжали в Ливадию или по своим имениям на Южном берегу Крыма.

Между тем императорская яхта «Тигр» обветшала, и взамен ей в 1870–1873 гг. в Николаеве была построена новая деревянная колесная яхта «Ливадия» водоизмещением в 2000 т. Уже летом 1873 г. «Ливадия» перевезла императрицу Марию Александровну с семьей из Севастополя в Ялту. Ну а «Тигр» был 26 августа 1872 г. исключен из списков судов Черноморского флота.

Увы, «Ливадия» в ночь на 22 октября 1878 г. выскочила на скалы у мыса Тарханкут на западном побережье Крыма. Яхта была разбита волнами.

И тут вице-адмирал А.А. Попов, насмешивший весь мир строительством двух круглых броненосцев-«поповок», предложил царю Александру II построить круглую, а точнее эллиптическую яхту «Ливадия».

Попов соблазнил царя почти полным отсутствием качки, различными удобствами для «высочайших» пассажиров и роскошью отделки.

Огромная по тем временам яхта стандартным водоизмещением 4420 т, получившая имя своей предшественницы, была заложена на английской судостроительной фирме «Джон Элдер и К^о» 25 марта 1880 г. 24 сентября того же года «Ливадия» под командой ее создателя британского кораблестроителя инженера Пирса покинула верфь в Глазго на реке Клайд и взяла курс на Севастополь.

Яхта была роскошно отделана. Площадь кают, салонов и залов для императорской семьи и свиты составляла 3950 кв. м, то есть в 6,7 раза больше, чем на старой «Ливадии». Огромная императорская приемная с высотой потолков 4 м была отделана в стиле комнат Людовика XVI в Фонтенбло. В приемной бурлил фонтан, окруженный цветочной клумбой. Гостиная на средней палубе была меблирована в крымско-татарском стиле. Другие помещения имели отделку в персидском духе. Большинство же парадных кают было отделано в современном английском стиле.

По пути из Англии на Черное море яхта угодила в шторм в Бискайском заливе и чуть не развалилась на куски. Почти 8 месяцев ушло на ремонт в испанском порту Ферроль.

И вот 27 мая 1881 г. «Ливадия» прибыла в Севастополь. Понятно, что новый император плавать на ней не рискнул. Для приличия яхту переклассифицировали в пароход «Опыт», а позже обратили в блокшив.

Согласно некоторым документам, в 1886 г. царя с семьей перевез из Севастополя в Ялту крейсер «Орёл». Видимо, это ошибка, поскольку пароход Добровольного флота стандартным водоизмещением 81 175 тонн был построен в Англии в 1889 г. и лишь 15 марта 1890 г. прибыл из Англии в Одессу. В военное время он должен был обращаться в крейсер с вооружением 3 – 120-мм, 12 – 75-мм и 6—47-мм орудий. Пассажировместимость парохода – 1245 мест.

Ну а 21 сентября 1894 г. император Александр III сел на «Орла» и отправился в последний раз в Ливадию. Обратим внимание, согласно дневнику Николая II, из Севастополя вышли в 11.00, а «ровно в 2 часа подошли к Ялтинскому молу»²⁸.

У Ливадийского дворца царя встретил 16-й Стрелковый Его Величества полк.

20 октября 1894 г. Александр III умер в Ливадии. А 27 октября гроб с телом императора установили на крейсере «Память Меркурия», который в сопровождении брига «Двенадцать Апостолов» и крейсера «Орёл» пошел в Севастополь.

Немедленно после смерти Александра III в Крестовоздвиженской церкви Ливадии был провозглашен манифест о вступлении на престол Николая II.

²⁸ Дневники императора Николая II. 1894–1918 / Под ред. С.В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2011. С. 116.

Новый император любил путешествовать с комфортом. Сам ли он придумал или кто ему подсказал, но при нем впервые царские яхты стали гонять с Балтики на Черное море и обратно.

И вот 22 июня 1893 г. яхта «Штандарт» покидает Кронштадт и идет в Севастополь. Ну а 14 августа Николай II отправляется из Петергофа в Севастополь, но уже по железной дороге. Погостив в Москве, царь в 10 часов утра 21 августа прибывает в Севастополь. Замечу, что в Севастополе вокзал специально был устроен так, что царь прямо из вагона, пройдя буквально 20 метров, попадал на причал, где его уже ждал катер со «Штандарта».

Четыре дня Николай II осматривал Севастополь, но ночевал только на «Штандарте». И вот наконец 25 августа он отправляется в Ялту. Предоставим слово самому Николаю: «25 августа. Вторник. Около 2-х вышли из Севастополя... Ровно в 5 подошли к молу Ялты, где расстались с милым “Штандартом”. Подъезжая к Ливадии были окроплены дождем. У дворца стоял почет. кар. от 14-го стрелкового полка»²⁹.

Замечу, что «Штандарт» шел под эскортом миноносцев: «Печальный случай произошел здесь на эскадре: с миноносца № 252-й смыло командира, лейтенанта Гаевского, перед самым Севастополем, когда они возвращались после конвоирования “Штандарта”!»³⁰

12 декабря царь возвращается на «Штандарте» в Севастополь, в пути традиционно 3 часа. За день до этого крейсер «Память Меркурия» забрал царский багаж и отвез его в Севастополь. Ну а «Штандарт» опять вокруг Европы пошел на Балтику. И так, ради двух трехчасовых прогулок императорская яхта размером с броненосный крейсер дважды гонялась вокруг Европы!

А вот как Николай II сам описывает свой распорядок дня в Ливадии: «День мы проводим обыкновенно следующим образом: встаем в 8 /, кофе пьем на балконе и от 9 / до 11 гуляем, я в это время купаюсь, когда вода не очень холодная; Аликс рисует, а я читаю до часу. Завтракаем с музыкой. Около 3-х отправляемся на большую прогулку, возвращаемся домой не раньше 6 или 6 / ч. Я занимаюсь до 8 ч. Аликс в это время купает детей, кормит их и укладывает спать. После обеда (т. е. примерно в 9 час. вечера) процветает безик (вид карточной игры), в 11 / расходимся и ложимся в 12 ч...»³¹.

То есть «на занятия» уходило от полутора до двух часов в день. Ну а «занятиями» Николай II называл чтение отчетов министров и деловых депеш, а также ответы на поздравления, которые он готовил только сам.

16 декабря 1898 г. царь, не заезжая в Петербург, прибыл в Царское Село.

В 1899 г. Николай II не сумел побывать в Ливадии, помешали дела. 18 июня 1899 г. скоропостижно скончался наследник цесаревич и великий князь Георгий Александрович.

Похороны брата и разные хлопоты задержали императора до 22 августа 1899 г., когда он сел на любимый «Штандарт» и отправился в Данию. Ну а оттуда не грех заехать и в Германию, в том числе и к родне в Дармштадт.

Лишь 28 октября царь пересек на поезде русскую границу. А по пути решил поохотиться в Беловежской Пуще и лишь 5 ноября прибыл в Царское Село. А тут уж куда ехать в Крым! Это ведь 18 ноября по новому стилю, а пока приедешь в Ливадию, уже и декабрь.

Но на следующий, 1900 год надо обязательно ехать во вторую столицу – в Ливадию. 17 сентября в 9.00. царский поезд прибывает в Севастополь. Там уже ждет «Штандарт», прибывший с Балтики. Кстати, там без дела стояла океанская яхта «Тамара», принадлежавшая великому князю Александру Михайловичу. Сам Сандро на службе, он командовал броненосцем «Ростислав». Ну тогда почему бы на яхте водоизмещением 900 т со скоростью 13,5 узла не пройти от Севастополя до Ялты? А какие роскошные каюты! Да и экипаж надежный – матросы и офицеры Императорского флота.

²⁹ Там же. С. 408–409.

³⁰ Там же. С. 409.

³¹ Цит. по: Литвинова Е.М. Царская семья в Крыму. С. 162.

Николай II изучил «Тамару» еще в 1890 г., во время встречи с Сандро в Коломбо. Цесаревич шел тогда на крейсере «Память Азова» в сопровождении крейсера «Владимир Мономах», а великий князь вояжировал в Индийском океане для души наполовину за свой, наполовину за казенный счет. Пьянствовать с Сандро на «Тамаре» можно было и в 1890-м, и в 1900 годах. Но три часа плыть до Ливадии? Императору это неприлично!

И вот 18 сентября в 11 ч. 15 мин. «Штандарт» подходит к Ялтинскому молу.

23 октября 1900 г. император записывает в своем дневнике: «Ходил к морю и смотрел на прибой. Погода была солнечной, но холодной. Поздравлял А.И. Пушкина с 10-летием на должности командующего войсками Одесского военного округа. Играл в теннис. Принял Турхан-пашу Он привез от султана альбом с массой фотографий...»³²

Следует заметить, что во время каждого приезда Николая II в Ливадию к нему прибывали посланники султана. Однако целью их визитов были не столько дипломатические переговоры, сколько «восточная ментальность» – турки по-прежнему считали Крым своей собственностью. А поскольку явных претензий не было, да и каждый раз привозились ценные подарки, государь принимал их. По мнению К.Ф. Ипатьева, именно через турецкий альбом император заболел тифом или получил иную инфекцию.

24 октября Николай II был активен, занимался государственными делами, принимал у себя Куропаткина. Но уже 25 октября записи в дневнике резко меняются: «Отвратительный день с осенним ветром. Утром гулял нехотя, т. к. чувствовал себя плохо. Принял Ламсдорфа. Лег спать рано».

Лейб-медик, престарелый Гирш, поставил диагноз – инфлюэнца (то есть простуда или грипп). Однако царю становилось все хуже. Вызванный из Петербурга профессор Военно-медицинской академии Попов изменил диагноз на брюшной тиф.

Майор Ипатьев ставит несколько иной диагноз: «В болезни Императора настораживает несколько фактов. Его болезнь по клиническим признакам никак не похожа на брюшной тиф. Более того, за все время болезни у него не ухудшался аппетит, он мог вставать и ходить по комнате. Изучая симптоматику болезни Императора, современные врачи-инфекционисты с большой долей вероятности утверждают, что эта болезнь вовсе не была брюшным тифом.

В силу большой контагиозности, брюшным тифом легко могли заразиться находящиеся в близком окружении Царя люди. Но, ни в то время, ни после ни у кого из них признаки этой болезни не были выявлены. Наблюдавшие государя врачи Г.И. Гирш, Тихомиров и профессор Попов так и не пришли к единому мнению о том, что же стало причиной болезни. Однако весьма интересен тот факт, что подарок Турхан-паши – альбом, привезенный от султана, уже 26 октября при странных обстоятельствах исчезает из дворца Государя».

С 1 по 28 ноября царь находился в тяжелейшем состоянии. Врачи не исключали летальный исход.

Фактически Александра Федоровна взяла на себя управление государством. «По свидетельству “правой руки” министра Императорского двора А.А. Мосолова, императрица отдавала приказания непосредственно В.Б. Фредериксу и другим должностным лицам, “которые уже затем докладывали о полученных указаниях, причем добавляли, что государыня приказывала о своих распоряжениях не говорить. Все эти приказания передавались фрейлинами А.А. Олениной и С. Орбелиани княгине Е.Н. Оболенской.

Скоро, однако, этих фрейлин оказалось недостаточно, и императрица вызвала из Рима бывшую свою фрейлину княжну Марию Викторовну Барятинскую, с которой государыня, за три года перед этим, поссорилась. Княжна Барятинская, весьма умная и толковая барышня, тогда лет около тридцати, заняла при государыне место ее начальника штаба и всем управляла с большой энергией. Она устранила ненормальность положения, переговаривая с министром

³² В главе используется рукопись, любезно предоставленная автору майором ГРУ в отставке К.Ф. Ипатьевым.

и со мной о всех желаниях государыни до отдачи приказаний. При ней эти желания незаметно стали переходить от вопросов, касающихся только так называемых “полковников от котлет”, к вопросам, касающимся министров, чем граф Фредерикс ставился иногда в затруднительное положение”»³³.

Императрица-мать в это время гостила у родных в Дании. Узнав о болезни сына, Мария Федоровна срочно отправила несколько телеграмм в Ливадию Александре Федоровне с предложением пригласить лучших европейских врачей к сыну и просила сообщить, когда ей лучше приехать. Александра сухо отклонила оба предложения. Присутствие в Ливадии императрицы-матери и свидетелей-иностранцев не входило в планы Аликс.

Ряд министров и генералов во главе с военным министром Куропаткиным (будущим «маньчжурским героем») начали подготовку к государственному перевороту. В случае смерти Николая они собирались возвести на престол пятилетнюю дочь Ольгу, а царица становилась регентшей. Кроме того, Алиса находилась на 4-й неделе беременности. А вдруг будет сын?

Однако премьер-министр Витте отказался присоединиться к заговору, за что заслужил пожизненную ненависть царицы. Михаила любила гвардия, да и вся Россия от аристократов до социалистов слишком хорошо знала прелести женского правления в XVIII веке, и страна вряд ли тихо приняла бы на престол пятилетнюю девицу. Таким образом, уже в 1900 г. Россия была поставлена на грань гражданской войны.

Тут следует обратить внимание на то, что Ливадия – не Санкт-Петербург, где династические споры в XVIII веке решала исключительно гвардия. Спору нет, рядом с Ливадией дислоцировались гвардейские части. Но сухим путем в Ливадию тогда попадали только через Севастополь. (Троллейбусного сообщения Симферополь – Ялта тогда, увы, не было, ну а горные тропы не в счет.) Ливадийский дворец и все окрестные постройки расположены приблизительно в версте от моря и великолепно просматриваются даже с борта прогулочного катера – сам смотрел. А в хорошую оптику с марса броненосца видны и различия на погонах.

Таким образом, ситуация в Ливадии в случае смерти Николая полностью попала бы под контроль командования Черноморского флота.

Замечу, что позицию Черноморского флота в ходе династического кризиса определял не столько командующий флотом вице-адмирал С.П. Тыртов, сколько командир броненосца «Ростислав» капитан 1-го ранга А.М. Романов. На службе капитан Романов вытягивался перед Тыртовым, а вне службы вице-адмирал вставал на вытяжку перед 34-летним великим князем и не имел права первым начать с ним разговор.

Как ни секретила Аликс с заговорщиками состояние царя, все детали происходящего немедленно докладывались великому князю. Дело в том, что имения великого князя Александра Михайловича Ай-Тодор и Харакс граничили с Ливадией, и августейшие соседи постоянно навещали друг друга. Ники и Сандро дружили с детства. Естественно, что средний и младший обслуживающий персонал этих имений имел чуть ли не ежедневное общение и родственные связи. Соответственно, болезнь царя или даже его невыход из дворца не мог остаться неизвестным в Хараксе и Ай-Тодоре.

Александр Михайлович занял резко отрицательную позицию по отношению к попытке государственного переворота. В случае коронации Татьяны Александр Михайлович и его три брата могли слишком много потерять. Нетрудно догадаться, что в случае смерти царя Черноморский флот взял бы под контроль всех заговорщиков. А, как уже говорилось, по законам Российской империи даже попытка изменить порядок престолонаследия каралась смертной казнью.

³³ Зимин И.В. Повседневная жизнь Российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. С. 237.

Однако молодость и здоровье победили болезнь – Николай выздоровел. Зато императрица Александра Федоровна на всю жизнь возненавидела Александра Михайловича. Отношения же с царем у Александра Михайловича оставались хорошими, но о близкой дружбе, как раньше, уже и речи не было.

30 ноября царь возобновил записи в дневнике: «Сегодня чувствую себя бодрее, значительно окрепшим, в первый раз оделся и вышел на балкон подышать свежим воздухом. Погода была солнечная и тихая. С какой радостью я снова вошел в свою комнату. В течение этих недель я не выходил из трех комнат Аликс».

Согласно Своду законов Российской империи, раздел I, глава четвертая: «По кончине Императора, Наследник Его вступает на Престол силою самого закона о наследии, присваивающего Ему сие право... Верность подданства воцарившемуся Императору и законному Его Наследнику, хотя бы он и не был наименован в манифесте, утверждается всенародною присягою».

Таким образом, присяга царствующему императору (Николаю II) включала в себя присягу наследнику (Михаилу), и в силу присяги каждый подданный империи был обязан выступить против любых иных претендентов на престол.

Однако через некоторое время по приказу царя обер-прокурор Святейшего синода Победоносцев и министр юстиции Муравьев составили указ о том, что наследницей престола становится старшая дочь Николая II. Указ был секретным, и о нем знали даже не все министры. Так, например, Витте о нем по секрету рассказал Победоносцев.

Все же 150 миллионов подданных ничего не знали о заговоре Куропаткина в 1900 г. и о последующем секретном указе. По всей огромной империи попы, муллы и шаманы возводили молитвы за здоровье царя Николая и наследника Михаила.

В связи с болезнью царя августейшее семейство провело в Ливадии половину зимы. Лишь 10 (23) января 1901 г. «Штандарт» вышел из Ялты и взял курс на Севастополь.

1 июня 1901 г. в Петергофе у Алисы рождается четвертая дочь – Анастасия. Поездка в Ливадию откладывается на год. А пока архитектор Удельного Ливадийско-Массандровского управления А.А. Бибер за 1901–1904 гг. возвел в Ливадии новые здания: дома министра двора барона В.Б. Фредерикса, высших офицеров охраны, учителей и ресторатора, прачечную. Претерпел модернизацию и старый дворец – там провели центральное отопление, электричеством от нескольких электростанций освещались дворцы и все здания гофмаршальской и служительской частей, телефонная связь соединила Ливадию с Петербургом и Москвой.

Из царского дневника за 1902 год: «17-го сентября. Вторник. В 9 час. прикатили в красивый Севастополь. Встреча, как всегда, на пристани: поч. кар. Брестского полка, начальство, дамы и дети учебных заведений. Утро стояло тихое, облачное, к полудню разъяснилось. Эскадра стояла в три линии и произвела салют, когда поезд вышел из туннеля.

Ксения, д. Миша и Сандро встретили на “Штандарте”, куда мы сейчас же переправились»³⁴.

Шесть дней пробыли в Севастополе (жили на «Штандарте») и 22 сентября прибыли в Ливадию. Лишь 8 декабря «Штандарт» с царской семьей отправился обратно в Севастополь, и 11 декабря августейшее семейство прибыло в Царское Село.

В мае 1909 г. яхта «Штандарт» в сопровождении «Полярной звезды» и пяти эсминцев вывезла царское семейство в Финские шхеры. Далее последовали визиты в Швецию, Англию и Германию.

Почти сразу после возвращения из вояжа по северным морям в Кронштадт «Штандарт» стал готовиться к походу вокруг Европы в Севастополь. Выход состоялся 19 августа. Царь приехал в Крым в сентябре 1909 г. И тут дипломаты попросили Николая II съездить в Италию,

³⁴ Дневники императора Николая II. 1894–1918 / Под ред. С.В. Мироненко. С. 683.

якобы рутинная поездка – «отдать визит» итальянскому королю Виктору Эммануилу III. Царь, как всегда, решил поехать на «Штандарте».

Командир «Штандарта» Николай Саблин в своих мемуарах утверждал: «Дипломаты решили, что государь должен сделать визит султану, но наш посол в Турции, который как бы главенствовал над остальными нашими посланниками в Балканских странах, нашел, что главе православной церкви, российскому императору, не подобает делать первый визит главе мусульманского мира, не посетив славянские страны. Поход в Италию морем отложили, да, кажется, государь и не думал идти на яхте, потому что семью почему-то взять было нельзя, ну а государыне и, особенно, княжнам очень не хотелось оставаться на берегу, когда государь шел в такое интересное плавание.

Между тем отношения с Австрией сложились натянутые, и проехать через нее было не желательно, поэтому государь пошел на “Штандарте” в Одессу, а из нее поехал кругом, через Германию в своем поезде в Ракониджи, где на тот момент пребывал итальянский король»³⁵.

И вот глубокой ночью «Штандарт» под конвоем четырех миноносцев пошел в Одессу. Оттуда поездом в Италию. 10 (23) октября 1909 г. в замке Ракониджи близ Турина состоялась встреча императора Николая II с итальянским королем Виктором-Эммануилом III.

Монархи крепко выпили, а на следующий день отправились охотиться в окрестностях замка. Наиболее яркое впечатление на царя произвел королевский дворец, и он решил немедленно построить себе такой же в Ливадии. А тем временем их министры иностранных дел Томмазо Титтони и Александр Извольский составили секретное соглашение. Там было много пустой болтовни типа: «Россия и Италия должны в первую очередь стремиться к сохранению status quo на Балканском полуострове».

Суть же была в том, что Италия обязывалась «относиться благожелательно к русским интересам в вопросе о проливах». Со своей стороны царская дипломатия обещала такую же «благожелательность» «к интересам Италии в Триполитании и Киренаике»³⁶.

Фактически это было разрешением Италии оккупировать Ливию, а что получала взамен Россия? Пустые обещания.

И вот когда началась итало-турецкая война и итальянские броненосцы подошли к Дарданеллам, султан закрыл Проливы, и наша экономика понесла огромные убытки, благо, около 60 % экспорта шло через Проливы.

Вместо Италии Николай II мог поехать в Стамбул и заключить союз с султаном, гарантировавший территориальную неприкосновенность Османской империи. А в случае агрессии против Ливии ввести Черноморский флот по крайней мере в Эгейское море для обеспечения безопасности русской торговли, да и с Балтики могла подойти эскадра, дабы урезонить «макаронников». Увы, Италия получила Ливию, Россия – огромные убытки. Затем начались Балканские войны. «Легкость в мыслях необыкновенная» – иначе не объяснить поведение русских дипломатов и царя.

Десять дней «Штандарт» стоял в Одессе, пока не вернулся весьма довольный Николай. Нет, не договором с Италией, он строил планы постройки нового дворца в Ливадии. По плану царь должен был вернуться в Петербург 26 ноября, но вернулся лишь 22 декабря 1909 г. И дело не в хорошей погоде, как пишет Саблин. Царь занят проектами нового дворца.

12 декабря 1909 г. на классного художника архитектуры губернского секретаря Н.П. Краснова «высочайшею волею» были возложены «все работы по сломке и сносу существующих в имении Его Императорского Величества “Ливадия” здания Большого дворца, Фрейлинского и Кухонного домов при нем и по возведению там же Нового дворца, свитского дома и

³⁵ Саблин Н. Десять лет на императорской яхте «Штандарт». С. 180.

³⁶ Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. № 63. С. 402–403.

кухни, а также и производства всех сооружений и переустройств, связанных с постройкой этих новых зданий, оборудование и меблировка новых зданий, полный ремонт существующего здания дворцовой церкви».

К строительству приступили 21 января 1910 г. Дворец должен был быть построен в рекордный срок – 17 месяцев. Строился дворец из мрамора. Так, подрядчик С.Л. Уберти выполнил самый большой объем работ на сумму 75 655 рублей. Помимо него, работали и другие подрядчики, выполнявшие заказы на мраморные и каменные работы. Так, работы по мрамору подрядчика А.Е. Фириса обошлись казне в 17 616 рублей, а подрядчика Э.Р. Менционе – в 15 200 рублей.

Рядом с дворцом были возведены мощная электростанция и монументальный гараж.

В первые годы царствования Николай II неприязненно относился к «самодвижущимся экипажам». «Пока я живу в Ливадии, автомобили не должны появляться в Крыму», – заявил царь, и действительно, до 1903 г. использование автомобилей на полуострове было запрещено. Но в 1903 г., во время визита к родственникам в Гессен, брат императора Эрнст Великий герцог Гессенский после изрядной попойки покатал Николая «на моторе». После этого царь кардинально изменил свое мнение и велел завести для себя «авто». Весной 1909 г. в Ореанде (рядом с Ливадией) был заложен первый гараж на два царских автомобиля, а через год в Ливадии построили просторный гараж уже на 25 автомобилей. Сейчас там гараж Ялтинского таксопарка. Всего к 1914 г. в царском гараже имелось около полсотни автомобилей – больше, чем у любого другого монарха мира.

В Ливадийском дворце были установлены четырехместные лифты с... диванами. Обслуга дворца (без охраны) составляла 430 человек.

Несколько слов стоит сказать и об охране Ливадийского дворца. Места, где были расположены царские резиденции, становились запретными. Это касалось прежде всего районов Петергофа и Царского Села, Южного берега Крыма и Беловежской Пущи. Въезд и выезд в эти районы строго контролировался. Приехать туда из Петербурга или Москвы можно было только по специальному разрешению полиции. Так, было отказано в поездке на Южный берег ряду известных ученых, писателей и общественных деятелей весьма умеренного толка. Отказы ничем не мотивировались и не подлежали обсуждению.

Специальная охранная стража, подчинявшаяся непосредственно дворцовому коменданту, вела наблюдение за всеми жителями населенных пунктов дворцового ведомства (Царское Село, Петергоф, Гатчина и Павловск, с окрестностями). В помощь им были приданы сверхштатные околоточные надзиратели со специальной задачей производить проверку и регистрацию населения.

На снимках, запечатлевших царя в парках Ливадии, Царского Села и Петергофа, не видно охранников. Дело в том, что они находились в специальных окопчиках. Николай II прекрасно это знал и периодически кидал в окопчики золотые монеты. Однако стражникам разрешалось поднимать их лишь после удаления царя.

Генерал А.А. Мосолов, ведавший охраной царя, писал: «Прогулки царя были вечной головной болью для тех, кто отвечал за его безопасность. Вдоль дороги, по которой собирался проехать государь, особенно в отдаленных деревнях, размещались сотрудники полиции. Но царь очень сердился, когда замечал их – этих “любителей природы” или “собирателей растений”, как он их называл, поскольку они делали вид, что интересуются чем угодно, но только не августейшей особой государя. Ничто не доставляло ему большей радости, как улизнуть от них.

Больно бывало видеть отчаяние начальника дворцовой полиции. Чтобы хоть немного помочь ему, я сообщал обо всех переменах маршрута, которые царь предпринимал во время прогулки. Для этого я посылал одного из ординарцев, сопровождавших нас, позвонить ему в кабинет.

Это позволяло переместить “собирателей растений” в другое место. Они бросали свой прежний пункт наблюдения и бежали, прячась за кустами, поскорее занять новый.

Однажды после такой перестановки царь заметил, как из сакли (татарского жилища) в маленькой деревушке, куда мы только что приехали, выглянула голова начальника полиции. Царь послал за ним и начал допрашивать:

– Я решил изменить маршрут уже после отъезда из дворца, как же вы сумели об этом узнать и оказаться у меня на пути?

Бедный начальник, чтобы не выдать меня, забормотал что-то о предчувствиях и интуиции. Ничего другого ему не оставалось.

После этого был издан еще один указ, впрочем, столь же бесполезный, что и предыдущие, чтобы “любители природы” не маячили у дорог, по которым будет проезжать его величество»³⁷.

В парках императорских резиденций были установлены будки с телефонами, откуда охрана сообщала о передвижениях членов царской семьи и гостей. Александру Федоровну это стало раздражать, и она в 1913 г. приказала убрать 11 таких будок из парка Ливадийского дворца. Будки убрали. Однако вскоре великая княжна Анастасия заметила, что охрана звонила с телефонов, установленных в дуплах деревьев или даже в специальных нишах, выдолбленных в стенах зданий. После окончания разговора ниша закрывалась деревянными дверцами, окрашенными под цвет стены.

7 сентября 1911 г., впервые после революции 1905–1907 гг., царская семья прибыла в Севастополь, но из-за недоделок во дворце Николай II прожил две недели на «Штандарте», днем отправляясь на осмотр кораблей и военных объектов в Севастополе, включая береговые батареи.

И вот 20 сентября царь прибыл в Ливадию.

«Николай II остался доволен и служебными постройками, возведенными по проектам и под руководством архитектора Г.П. Гущина. Император преподнес Глебу Петровичу золотой портсигар, украшенный бриллиантами и сапфирами, со словами благодарности: “Мне все говорят, что у меня в Ливадии гараж – лучший в Европе. Мне это лестно слышать и приятно сознавать. Осмотрев отличную конюшню, красивую электрическую станцию, милый театр и превосходный гараж, считаю нужным выразить Вам за них свою благодарность. Благодарю Вас за труды, положенные за последние годы в моем имении”. На въезде установили знак, объявляющий, что имение является собственностью Императрицы Александры Федоровны. Это был подарок любящего супруга. Ливадия стала единственным личным недвижимым имуществом Государыни»³⁸.

В 1911 г. августейшая семья задержалась в Ливадии до декабря.

Премьер Коковцов заметил: «Государь не любил предупреждать заблаговременно членов правительства о своем отъезде в Крым».

Случайно узнав весной 1912 года о скором отъезде царской семьи, Коковцов недоумевал: в думе решаются важные дела, касающиеся финансирования программ развития флота и армии и требующие согласования с императором. Однако Николай II объяснил: «Я просто задыхаюсь в этой атмосфере сплетен, выдумок и злобы. Да, я уезжаю, и притом очень скоро, и постараюсь вернуться как можно позже... Пишите мне в Крым обо всем, и я немедленно отвечу Вам, и если будет нужда видеть меня, я рад буду принять Вас в Ливадии»³⁹.

17 марта 1912 г. Николай II с семейством прибыл в Севастополь, где его уже ждал «Штандарт».

³⁷ Мосолов А.А. При дворе последнего царя. Воспоминания начальника дворцовой канцелярии. 1900–1916. М.: Центрполиграф, 2006.

³⁸ Литвинова Е.М. Царская семья в Крыму. С. 176.

³⁹ Литвинова Е.М. Царская семья в Крыму. С. 181.

Ну а 18 марта «Штандарт» с конвоем миноносцев подошел к ялтинскому молу. Среди толпы встречающих стоял, опершись на посох, старец по имени Григорий Ефимович. В тот же день Распутин приехал в Ливадию на городском извозчике, а поздно вечером отправился восвояси на авто из царского гаража.

Ну а 22 мая царь принял премьера Коковцова. Замечу, что глава правительства остановился не в Ливадийском дворце или даже не в Свитском корпусе, а в городской гостинице «Россия».

«Доклад кончился в наилучшем настроении. Государь спросил меня, не решусь ли я “погостить” в Ялте и отдохнуть от “петербургских прелестей” и, видимо, очень пожалел меня за то, что я должен уже рано утром 24 выехать в обратный путь»⁴⁰.

25 мая 1912 г. царское семейство уезжает из Ливадии.

15 июля 1913 г. «Штандарт» вновь покинул Кронштадт и отправился на Черное море, а 7 августа царь сел в поезд в Петергофе и в 11 ч. 15 мин.⁴¹ 9 августа царский поезд «прика-тил» в Севастополь. Пять дней экскурсии по Севастополю, и 14 августа «в 10 час. снялись с бочек и вышли в море. Впереди шел крейсер “Кагул”, сзади “Алмаз”, с обеих сторон по три миноносца. Раньше 2 час. подошли к Ялтинскому молу. Почет. караул от 51 пох. Литовского полка и затем обычная встреча. По улицам была масса народа. Приехали в Ливадию; поч. кар. от 16-го Стрелкового полка»⁴².

Ну а 17 декабря тот же «Штандарт» увез царскую семью из Ливадии.

Всего через 3 месяца Николай II вновь вернулся в свою вторую столицу – Ливадию. 27 марта 1914 г. он был в Севастополе, а через три дня «Штандарт» под конвоем крейсеров «Кагул» и «Алмаз» и четырех миноносцев отправился в Ялту. «Против Балаклавы нас обогнал мин. “Беспокойный” с Григоровичем на пути в Ялту; он снова встретил около Симеиза, идя в среднем 28-ми узловым ходом. Подошли к молу в 4 ч. ...»⁴³.

Морской министр решил похвастаться возможностями нового турбинного эсминца. Ну а 31 мая царское семейство навсегда покинуло Ливадию.

7 сентября 1914 г. Николай II планировал вновь отправиться в Ливадию, но началась Первая мировая война. Теперь важная экскурсоводша в Ливадийском музее объясняет посетителям, что государь не считал возможным отдыхать в столь роскошном дворце, когда шла война. «А как насчет 280-мм пушек “Гебена”?» – непроизвольно вырвалось у меня. Наступила тягостная пауза.

Линейный крейсер «Гебен» мог за две минуты разнести всю Ливадию. Но, в отсутствие царя, в Ялте у него не было достойных целей. Однако 4 февраля (н. ст.) 1915 г. легкий крейсер «Бреслау» с дистанции 40 кабельтовых (7,2 км) дал 8 залпов из 105-мм орудий по Ялтинскому порту. По сему поводу 27 января (ст. ст.) императрица писала царю в Ставку: «Мой дорогой Ники! Какая гнусность – этот обстрел Ялты с “Бреслау” – это сделано только назло – слава Богу нет жертв. ... Как бы мне хотелось, чтобы потопили этот гнусный маленький “Бреслау”»⁴⁴.

Я умышленно привел много деталей, касающихся пребывания русских императоров в Ливадии, дабы не быть голословным, возводя Ливадию в ранг столицы империи. Тут стоит добавить, что вместе с царями были не только их министры, но и почти все великие князья, занимавшие ключевые посты в управлении империей.

Так, еще в 1869 г. великий князь Михаил Николаевич, младший сын императора Николая I, купил у княгини Мещерской имение в Гаспре. Замечу, что

⁴⁰ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. М.: Наука, 1992. С. 54.

⁴¹ Царь в дневнике точно отмечал время своего прибытия и убытия.

⁴² Дневники императора Николая II / Под ред. К.Ф. Шацилло. М.: Орбита, 1991. С. 417–418.

⁴³ Дневники императора Николая II / Под ред. К.Ф. Шацилло. М.: Орбита, 1991. С. 455.

⁴⁴ Платонов О.А. Николай Второй в секретной переписке. М.: Алгоритм, 2005. С. 98–99.

Михаил Николаевич был формальным главой Артиллерийского ведомства и Председателем Государственного совета.

Свои владения Михаил Николаевич назвал Ай-Тодор. Он присоединил соседние земли и построил имение для своего сына Георгия – Харакс.

Великий князь Дмитрий Константинович построил дворец Кичкине недалеко от Гаспры.

Великие князья Николай и Петр Николаевичи стали хозяевами имений Чаир на границе с Ай-Тодором и Дюльбер в Мисхоре.

Обратим внимание, все дворцы семейства Романовых находились на Южном берегу Крыма (ЮБК), буквально в шаговой доступности друг от друга. Так, великий князь Александр Михайлович построил ровную (горизонтальную) дорогу для пешеходов и экипажей от своего дворца в Ай-Тодоре до Ливадийского дворца. По ней постоянно гулял Николай II.

Вслед за великими князьями ЮБК стал застраиваться богатыми людьми России, от титулованной знати до «чайных королей».

Так, богатейший человек России Феликс Феликсович князь Юсупов граф Сумароков-Эльстон построил роскошный дворец в Кореизе.

Увы, столь титулованный персонаж был сыном «детдомовца», а по-тогдашнему – байстрюком, а по-французски – бастардом. Ни отца, ни матери юного Феликса никто не знал. Царь Николай I присвоил ему фамилию Эльстон. Он удачно женился на Елене Сумароковой – единственной наследнице богатых графов Сумароковых. У них родился сын Феликс. И новый Феликс тоже женился на самой богатой невесте России – Зинаиде Юсуповой, тоже единственной наследнице князей Юсуповых. И вот этот Феликс Феликсович и построил роскошный дворец на ЮБК.

Дворец в Кореизе был начат постройкой еще в 20-х годах XIX века княгиней Анной Сергеевной Голицыной, а последняя капитальная перестройка была произведена архитектором Красновым в 1909–1914 гг. К этому времени дворец уже принадлежал Феликсу Юсупову, самому богатому после царя человеку в России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.